

Дарья Донцова

ЕВОЛОЧЬ НЕНАГЛЯДНАЯ

Евдокия Романова
Судствие ведет Аметия

КРИМИНАЛЬНЫЙ ДЕТЕКТИВ ЭКСМО

Дарья Донцова
Сволочь ненаглядная
Серия «Евлампия Романова.
Следствие ведет дилетант», книга 3

текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=121779
Д.Донцова Сволочь ненаглядная: Эксмо; Москва; 2004
ISBN 5-04-006095-5

Аннотация

Юлька, невестка моей подруги, сломала ногу и попала в Институт Склифосовского. Палата подобралась молодая и веселая. Хотя в этом ей повезло, зато мне – нет! Я опять вляпалась в очередную историю! Самым неожиданным образом ее соседки, Настя и Ирина, умирают от тромба. И теперь мне предстояло выполнить Настино посмертное поручение. Надо было найти ее брата и передать ему деньги. Тридцать тысяч баксов! Не хило! Но разыскать Егора оказалось весьма непросто... и даже опасно для жизни...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	15
Глава 3	29
Глава 4	43
Глава 5	55
Глава 6	72
Глава 7	86
Глава 8	100
Глава 9	110
Конец ознакомительного фрагмента.	121

Дарья Донцова

Сволочь ненаглядная

Не дай мне бог сойти с ума.

Нет, легче посох и сума.

А.С. Пушкин

Глава 1

Я попала в эту историю, как муха в варенье или мед, если смерть в меду кажется вам более привлекательной, чем кончина в джеме. Но в роковой день, когда началась цепь странных, необъяснимых событий, ничто не предвещало неприятностей.

Около семи вечера, как всегда, я ввалилась в дом, обвешанная пудовыми сумками, и, грохнув их у вешалки, заорала:

– Эй, есть кто живой?

– Ну? – высунулся в коридор Сережка.

– Оттащи на кухню, – велела я, пиная ногой пакет.

В ту же секунду раздался характерный треск. Вот незадача, я случайно попала в мешочек с яйцами.

– Бей, не жалей, – хихикнул Сережка.

Я расстроилась. Жаль, нам не дано предвидеть будущее, иначе маленькая неприятность с яйцами показалась бы

смешным пустяком, милой ерундой. Но в ту минуту я испытывала чуть ли не горе.

– Черт возьми, тащила их от метро, и ничего, а дома сама же ногой долбанула...

Ноя и жалуясь на тяжелую судьбу, я вползла на кухню. За большим круглым столом мирно пили чай Юля, Кирюшка и Сеня. Юлечка заглянула в пакет и попыталась меня утешить:

– Сущая ерунда, всего шесть штук кокнулись.

Я чуть не зарыдала.

– Достань их и слей в кастрюльку, – велел Сережка жене.

Юлечка послушно вытащила скорлупки.

– Прекрати кукситься, – налетел на меня Сережка, – подумаешь, беда.

– Правда, Лампа, – подхватил Кирюша.

– А ты молчи, – остановил Сережка младшего брата и добавил: – Нашла горе, разбитые яйца. Вот у Сеньки настоящая беда.

Семен – лучший друг Сережи, они учились в одном классе, правда, потом разбежались по разным институтам, но дружбу сохранили. И хотя сейчас Сережка работает в рекламном агентстве, а Сеня преподает немецкий язык, встречаются они по-прежнему часто. Сеня мне нравится: открытый, бесхитростный парень, всегда готовый помочь.

– Что за беда приключилась с тобой? – со вздохом спросила я.

Непривычно хмурый Семен буркнул:

– Прямо говорить неохота!

– Ладно, я сам расскажу, – ухмыльнулся Сережка.

Год тому назад Сеня познакомился с девушкой, веселой и смешливой Ритой, большой любительницей дискотек, гулянок и ресторанов. Почти полгода Семен развлекал ее, но потом понял – в голове у Маргариты лишь танцульки, и хорошей жены из нее не выйдет. И хоть Сеня сам был не прочь повеселиться, но не каждый же день. Будучи человеком спокойным, во всех смыслах положительным, он представлял себе будущую жену иной: работающей, терпеливой, хорошей хозяйкой и матерью. Риточка же, страшно гордая своей и впрямь незаурядной внешностью, считала, что является подарком для будущего супруга. И вообще мужчины родились на свет для того, чтобы доставлять ей, Маргоше, удовольствие.

Короче говоря, Сеня начал тяготиться этими отношениями и закрутил роман с другой девушкой, Наташей, знакомой Риты. Та оказалась полной противоположностью Марго – тихая, молчаливая домоседка. У Наташи рано умерла мать, и все хозяйство девятнадцатилетняя девушка вела сама. Отец ее, совсем еще молодой, тридцатидевятилетний вдовец, чувствовал себя как у Христа за пазухой. На столе всегда стояли горячие обед и ужин, вовремя подавались выглаженные рубашки. Через два месяца Сеня сделал предложение Наташе и начал готовиться к свадьбе.

Когда Рита узнала, что поклонник переметнулся к другой,

она вначале потеряла от злобы голос. До сих пор ее никто не бросал, и обида засела ржавым гвоздем в ее сердце.

Риточка поклялась отомстить мерзкому негодяю и клятву сдержала. Сначала она хотела испортить Сене праздник, явившись незваной гостьей на бракосочетание. Но потом хитрой девчонке пришла в голову гениальная мысль. Наташин папа, красивый и обеспеченный вдовец, с явным интересом давно поглядывал на белокурую, голубоглазую и пышногрудую Риту, когда та появлялась у дочери. Теперь Марго пустилась во все тяжкие, кокетничая с мужиком. Не прошло и полугода, как Сенин тесть женился на Маргарите, и она стала тещей парня.

Я хихикнула:

– Ну и влип!

– Да уж, – вздохнул Сеня, – живем в общей квартире, и Ритка пакостит по-страшному. Так хитро все обставляет, будто она о Наташе заботится, а я выгляжу просто монстром. Что делать – ума не приложу!

– Снимай квартиру и съезжайте, – посоветовал Сережка.

– А деньги? – всплеснул руками Сеня. – Знаешь, сколько в месяц хотят? Меньше чем за сто долларов не найти.

– Вот что, Сеня, – сказала Юля, вставая, – раз уж женился, изволь создать супруге нормальные условия.

– Ну не зарабатываю я столько, – пригорюнился парень.

– Как же думал семью создавать? – гнула свое Юля.

– Кто знал, что так получится, ты же, Юлечка, живешь с

Сережкиной матерью – и ничего.

– Катя дома никогда не бывает, и потом, какая из нее све-
кровь – смех один, – вздохнула девушка и велела: – Кирюш-
ка, влезь на табуретку и достань со шкафа большую сково-
родку. Чего яйцам зря пропадать, сейчас сделаю замечатель-
ный омлет.

– Вечно мне поручения дают, – заныл мальчишка.

– Ну тебя, – рассердилась Юля, – сама достану.

Она моментально вскочила на табуретку, вытянула руки,
чуть оступилась...

– Осторожно! – заорал Сережка.

Но было поздно. С легким криком Юля шлепнулась на
пол и тут же заорала.

– Что, что? – засуетились мы, кидаясь к ней.

Девушка полулежала на линолеуме, как-то странно вы-
вернув правую ногу. Лодыжка начала моментально распу-
хать и угрожающе синеть.

– Похоже на перелом, – растерянно констатировал Сереж-
ка, – и мать, как назло, на дежурстве.

Катя работает хирургом, оперирует щитовидную железу
и, на мой взгляд, мало могла помочь в создавшейся ситуа-
ции. Но в Сережке в минуту опасности проснулся маленький
мальчик, твердо уверенный: стоит лишь маме вернуться до-
мой, как неприятности разом кончатся.

– Все из-за меня, – зарыдал в голос Кирюшка. – Юлечка,
прости!

– Ерунда, – прошептала Юля, еле сдерживая слезы, – чему быть, того не миновать.

– Ой-ой-ой! – вопил Кирюшка, задирая вверх руки.

Не хватало только хора, вторящего плакальщику.

– Хватит, – велела я, – надо вызывать «Скорою».

Машина пришла через два часа. Хмурая, нелюбезная тет-ка одним глазом глянула на поленообразную ногу и весьма грубо приказала:

– Несите в машину.

– Мы? – глупо спросил Сеня.

– Нет, я поволоку, – выверилась докторица. – Сами дрались, сами и тащите.

– Мы не дрались, – возразил Сережка, – она с табуретки упала.

– Мне один черт, – рывкнула врач, – давайте, шевелитесь, вы не одни на белом свете.

Сеня, Сережа и Кирюша аккуратно подняли стонущую Юлю. Я пошла следом, неся плед. Внизу стоял белый «рафик», внутри которого царил могильный холод. На улице студёный январь, седьмое число...

– Печку включите, – робко попросил Сережка, но водитель даже не вздрогнул.

Юля, которую мы с трудом уложили на носилки, вновь застонала.

– Ей бы обезболивающее, – тихо заметил Сеня.

– Ничего, так доедет, – равнодушно бросила докторица и

спросила: – Паспорт с полисом взяли?

– Нет, а надо? – удивился Сережка.

– Ясное дело, – опять обозлилась врачиха, – давай быстро, одна нога здесь, другая там. Ну народ, никакого понятия, не люди – уроды.

– В какую больницу повезете? – прервала я ее ругань.

– В 152-ю! – рявкнул шофер.

– Лучше в Склифосовского, – вздохнул Сеня.

– Можно в Склиф? – спросила я.

– Нет, – гавкнула доктор, – мы не частная служба, едем, где место есть.

– Лампушечка, – страстно зашептал Кирюша, – тут недавно передача по телику шла, якобы все работники «Скорой» взяточники, дай им сто рублей.

Я с уважением посмотрела на мальчишку. Ну кто скажет, что ему только одиннадцать лет, соображает лучше всех нас.

Я быстренько вытащила из бумажника розовенькую купюру и пробормотала:

– Нам в Институт Склифосовского.

Шофер глянул на ассигнацию и сообщил:

– Это не серьезно!

Пришлось добавить еще две такие же бумажки.

Врачиха моментально загремела железным ящиком. На свет явился баралгин, и нас повезли в НИИ скорой помощи.

В приемном покое Юлю переложили на узкую железную каталку и велели нам:

– Ждите.

В огромный коридор выходило множество дверей, но врачей – никого. По полу нестерпимо дуло, Юля безостановочно тряслась. Не помогли ни плед, ни дубленка Сережки, ни моя куртка. Наконец одна из дверей приоткрылась, и из нее выглянул пожилой мужик.

– Завозите.

Мы бестолково принялись толкать каталку.

– Стой, – скомандовал доктор.

Все замерли.

– Как везете? – возмутился хирург.

– Что-нибудь не так? – робко спросил Сережка.

– Кто же вперед ногами в кабинет вталкивает, головой положено.

«Интересно, какая разница?» – думала я, пока мужчины с трудом разворачивали каталку.

Юля стонала и шептала:

– Ой, тише, не трясите, больно.

Наконец мы оказались в кабинете, где всего лишь записали Юлькины паспортные данные.

– На рентген, – отчеканил доктор, – туда, направо.

Мы поволокли каталку в указанную сторону.

Толстая, одышливая баба пощелкала аппаратом и велела:

– Везите раздевать.

Снова пришлось тащить каталку по коридору, она подпрыгивала на неровном полу, Юля вскрикивала. Побледнев-

ший Сережка держал жену за руку, Кирюшка безостановочно шмыгал носом.

В маленькой и довольно грязной комнате санитар, молодой парень лет тридцати, потянул джинсы, намереваясь снять их с Юли. Тут она заорала в голос.

– Чего кричишь? – равнодушно фыркнул санитар. – Терпеть надо.

Но я уже поняла ситуацию. Очередная бумажка оказалась у парня в кармане, и он расцвел, словно куст жасмина в жарком июне.

– Щас, щас, тихонечко, – пробормотал он, ловко и нежно снимая с Юли одежду, – щас подушечку под голову, одеяльцем прикрою и в гипсовую.

Отодвинув нас от каталки, санитар быстро доволлок «транспорт» до следующего кабинета и шепнул мне:

– Слышь, тетка, Володя я, сейчас доктор закончит, на этаж свезу, не волнуйся, все сделаю, место найду, в коридоре не ляжет.

Тут из гипсовой выглянул доктор и хмуро уронил:

– Ввозите.

Но я уже совала ему мзду. Хирург расплылся и забормотал:

– Зачем, не надо.

– Обезболивающее уколи, – рявкнула я.

– Ясный перец, – хмыкнул доктор, – сейчас все будет.

– Лампочка, – забормотала Юля, – пописать хочется.

Я пошла искать нянечку и обнаружила ее в комнате с надписью «Санитарная».

– Чего надо? – буркнула тетка.

– Судно.

– Погодь.

Прождав минут десять, я вновь сунулась в «Санитарную».

– Ну? Торопишься, что ли? – вызверилась нянька. – Некуда уже, приехали.

Но я уже совала ей в руку бумажку.

Суровое лицо расцвело улыбкой, и бабулька пропела:

– Ой, молодежь, торопыги, ну пошли.

В одиннадцать вечера заплаканную и продолжавшую дрожать Юлю вкатили в палату на седьмом этаже. Санитар Володя не подвел, пошущукавшись о чем-то с медсестрой, он втолкнул каталку в 717-ю комнату и тихо объяснил:

– Отличное помещение, на четверых. Лежат только молодые, не тяжелые, никаких старух придурочных с шейкой бедра. Ей тут хорошо будет.

– Спасибо тебе, – с чувством произнес Сережка.

– Да ладно, – отмахнулся Володя, – чего уж там. Через день дежурю. Приходите в приемное отделение, ежели что. Вот еще. Тут санитарки берут пятьдесят рублей в смену, больше не давайте, нечего баловать.

– А зачем им платить? – удивился Кирюшка.

– Эх, молодо-зелено, – вздохнул парень и ушел.

Мы сбегали к санитарке, взяли пару одеял, лишнюю по-

душку и, пообещав Юлечке завтра с утра явиться со всем необходимым, пошли на выход. В коридоре у стен стояло несколько кроватей. На одной безостановочно стонала старушка.

– Прикройте одеялом...

Сережка накинул на нее кусок застиранной байки.

– Дай бог тебе здоровья, деточка, – прошептала бабушка и пожаловалась: – Больно мне, ох, тяжело.

– Сейчас сестру позову, – пообещал Сережка.

На посту хорошенькая девчонка читала книжку.

– Там женщине в коридоре плохо, – сказал Сергей.

– Угу, – кивнула девчонка.

– Подойди к ней!

– Обязательно, – заверила медсестра, не поднимая глаз.

Мы дошли до выхода и обернулись. Девушка как ни в чем не бывало продолжала наслаждаться романом.

– Интересно, а если у человека нет денег? – спросил Сенья. – Тогда как?

– Тогда никак, – вздохнула я.

Глава 2

Утром я, Сережка и Катя стояли в отделении у двери с табличкой «Ординаторская». Кирюшка, несмотря на яростное сопротивление, отправился в школу.

– Неудачно пришли, – вздохнула Катя, – небось все на операции.

Но тут дверь распахнулась, и выглянул молодой мужчина с приятным добрым лицом.

– Вы ко мне?

– Нам нужен доктор Коза, – сказала я.

– Слушаю вас, Коза Станислав Федорович.

– Очень приятно, коллега, – прошебетала Катюша и вытащила визитную карточку.

– Хирург высшей категории, заведующая отделением, кандидат медицинских наук Романова Екатерина Андреевна, – прочитал Коза и, окинув взглядом Катюшины сорок пять килограммов, недоверчиво спросил: – Это вы?

– Да, – расцвела ему навстречу Катерина, привыкшая, что больные считают ее медсестрой, – я. А это – Романова Евлампия Андреевна.

Я постаралась улыбнуться как можно приветливее. Надо понравиться этому Козе, все-таки лечащий врач Юленьки.

– Ага, – кивнул хирург, – сестры, понятно.

Пока они с Катей болтали на своем птичьем языке, обсуж-

дая состояние здоровья Юли, я молча глядела в окно. Вслушиваться не имеет смысла, все равно я не понимаю ни слова. Но Коза ошибся – мы не сестры, просто однофамилицы и почти тезки. Но даже самые близкие родственники не связаны друг с другом так же крепко, как я и Катюша.

* * *

Мне всегда хотелось иметь брата или сестру, но судьба распорядилась по-иному – я оказалась единственным ребенком у родителей. И отец, и мать полагали, что умрут бездетными, но тут господь явил чудо, и у них родилась дочь. Назвали девочку в честь бабки – Ефросинья.

Мало кого в детстве обожали так, как меня. Mamочка – оперная певица и папа – доктор наук, профессор математики сделали все, чтобы дочурка росла счастливой. Меня никогда не ругали за постоянные тройки, тщательно следили за здоровьем, отдали в музыкальную школу по классу арфы, потом в консерваторию.

Даже после смерти папы ничего не изменилось. Mamочка твердой рукой вела меня по жизни, решая сама все назревающие вопросы. Иметь собственное мнение мне не разрешалось.

Я росла тихим, болезненным ребенком и в школу ходила нерегулярно – неделю на уроках, месяц в кровати. Подруг у меня никогда не было, самым близким человеком оставалась

мама. Я привыкла выкладывать ей все свои беды и горести. Выслушав меня, мамочка нежно целовала и бормотала:

– Ничего, Фросенька, утро вечера мудреней, не расстраивайся.

Наутро и впрямь получалось, что проблема не стоит выеденного яйца.

Так я и жила, словно хрустальная фигурка, уложенная в бархатную коробочку и укутанная для надежности ватой. Впрочем, жизнь без проблем была мне по душе. Единственная неприятность – арфа. После окончания консерватории я начала выступать в концертах, страшно тяготясь ролью артистки. Но мамочка, мечтавшая увидеть дочь на сцене, была совершенно счастлива, и я не могла ее разочаровать.

Постепенно мой возраст приблизился к тридцати годам, и мама решила выдать свое сокровище замуж. Нашелся славный жених – Михаил Громов. Кандидат подходил по всем статьям: хорош собой, отлично воспитан, богат, да еще и круглая сирота. Существовало только одно «но». Михаил оказался моложе меня на целых шесть лет. Однако это обстоятельство посчитали незначительным и сыграли шумную свадьбу.

Через месяц после праздника с чувством выполненного долга умерла мамочка. Но моя жизнь не изменилась. Теперь обо мне заботился муж. Сначала он предложил мне бросить работу, потом нанял домработницу... Стоило мне чихнуть, как Михаил появлялся с медсестрой... Но, несмотря на та-

кую заботу и регулярный прием витаминных и иммунных препаратов, я болела постоянно. Плохое здоровье не позволяло мне часто выходить из дома, и дни мои протекали однообразно. В основном я валялась на диване с горой детективов. Литература на криминальную тему оказалась единственной отдушиной, и я «проглатывала» все, что лежало на лотках и прилавках. Иногда в голову закрадывалась мысль о самоубийстве. Казалось, жить мне незачем, да и не для кого. Детей не было, а муж, несмотря на патологическую заботливость, вызывал во мне глухое раздражение. Стоило ему перешагнуть порог квартиры, как у меня начиналась мигрень. Скорей всего, я бы тихо скончалась от тоски и скуки, но вдруг плавное течение жизни нарушилось.

Однажды незнакомая черноволосая девушка принесла мне видеокассету с запиской: «Ефросинья, смотри одна». Не знаю, почему я послушалась и, открыв рот, следила за страстной постельной сценой. Главным героем действия оказался Михаил, а его партнершей была черноволосая незнакомка. Она же и объяснила мне суть, мило улыбаясь с экрана.

Оказывается, они давно любовники, девица беременна и требует, чтобы я немедленно дала Михаилу развод. Сам супруг боится сказать мне правду, опасаясь за мое хилое здоровье.

Пометавшись в ужасе по квартире и поняв, что никто мне не сможет помочь, я вылетела за дверь с твердым желанием

покончить с собой. Кассета и записка «В моей смерти прошу никого не винить» остались в столовой.

Побродив до вечера по равнодушным холодным улицам, я набралась смелости и прыгнула под проезжавшие мимо «Жигули». Но судьба решила дать мне последний шанс – за рулем старенькой «копейки» сидела Катя.

Так я оказалась в ее суматошной, бестолковой семье. В первый день мне показалось, что вот-вот лопнут барабанные перепонки. Разговаривали тут громко, во всех комнатах орали телевизоры, а по нескончаемым коридорам носились три собаки – мопсы Ада и Муля, стаффордширская терьерка Рейчел, да прибавьте к ним двух кошек – Семирамиду и Клауса, тройку хомяков и жабу Гертруду. Катя работала хирургом и пропадала сутками на работе, ее старший сын Сережка служил в рекламном агентстве и с утра до ночи вел какие-то переговоры с клиентами. Его жена Юлечка училась на факультете журналистики и одновременно состояла репортером в газете «Мир женщин». Самый младший член семьи – одиннадцатилетний Кирюшка тоже оказался занят под завязку – школа, спортивная секция, английский... Питались в этой семье сосисками да пельменями, убирали раз в год, стирали, когда придется... Словом, Кате пришла в голову «гениальная» мысль – нанять меня в прислуги. Более неподходящего человека трудно было отыскать, я даже не умела зажигать газ.

Неизвестно, что получилось бы из этой дурацкой затеи, но

на следующий день после моего появления в доме Катю похитили, и я оказалась в крайне незавидном положении. Пришлось стать матерью Сереже, Юле, Кирюшке, мопсам, терьернице, кошкам, хомякам и жабе Гертруде.

Не буду описывать все свои злоключения, скажу лишь, что в результате я научилась готовить, разговаривать с учителями в школе и ловко обращаться с животными. И, самое главное, мне удалось отыскать Катю, и не где-нибудь, а на чердаке своей собственной дачи в Алябьево. Причем обе мы чуть было не погибли, но тут на помощь пришел сотрудник милиции майор Костин. Затаив дыхание, слушали мы его рассказ. Это невероятно, но факт.

Во главе преступников, хотевших убить Катю, стоял мой супруг – Михаил Громов. Он оказался совсем не таким, каким мне представлялся. Богатство его было основано не на фирме, торгующей компьютерами, а на маленьком заводике, выпускавшем из пищевой соды и красителя «чудодейственные» витамины якобы американского производства. Но и это не все. Оказывается, моя мамочка перед смертью, боясь, что маленькая и неразумная тридцатилетняя дочурка не сумеет распорядиться деньгами, оставила лучшему другу отца, Юровскому, собрание картин русских художников, одну из лучших коллекций в России, которую мой папа пополнял всю свою жизнь. Мамочка опасалась, что наивная Фросенька не сумеет правильно распорядиться наследством, и Юровскому были даны четкие указания: дочь ни о чем не долж-

на знать до сорокалетия. Чтобы муж не считал жену обузой, мамочка велела Юровскому передавать раз в год одну из картин Михаилу. Тот продавал полотно, и мы безбедно жили, разъезжая на хорошем автомобиле и не экономя на питании. Больше всего Громов боялся, что я стану самостоятельной, начну работать и, не дай бог, уйду от него до того, как справлю сорокалетний юбилей. Поэтому изо всех сил он старался представить меня умирающей, пичкал таблетками и «заботился» о супруге безмерно. Надо сказать, он преуспел. Последний год замужества я даже не выходила из дома, боясь заболеть. Михаил только потирал руки. Оставалось совсем недолго до того момента, когда коллекция окажется у него. Апатичная, безвольная жена совершенно не представляла ценности полотно коллекции ее отца, и Михаил смог бы распоряжаться ими по своему усмотрению. Но хорошо задуманную «аферу» сорвала ничего не подозревавшая любовница Громова, которая решила избавиться от соперницы.

Потянув за тонкую ниточку, майор Костин размотал весь клубок. Громов с подельниками сидит в СИЗО и ждет суда.

Я поселилась у Кати и твердой рукой веду хозяйство. Чтобы навсегда забыть о тихой, забитой, болезненной Ефросинье, я даже поменяла имя. Правда, сделала это сгоряча, не слишком подумав, просто брякнула первое, что пришло в голову, – Евлампия. Теперь домашние меня зовут...

– Лампа, – пнула меня Катя, – ты что, заснула?

Это еще самое приятное прозвище, потому что ко мне мо-

гут обратиться по-другому: Лампец, Лампадель, Лампиду-дель, Ламповецкий...

– Лампа, – вновь произнесла Катя, – очнись!

Я вынырнула из пучины воспоминаний и спросила:

– А? Что случилось?

– Ничего, кроме того, что следует решить, кто останется с Юлей, – пояснила Катя, – первые дни ей нельзя вставать, и надо установить дежурство.

– Могу до двух, – вызвался Сережка.

– Ладно уж, – махнула я рукой, – езжай по делам, сама справлюсь.

Палата Юлечке и впрямь досталась хорошая. Всего четыре человека. У окна – веселая девятнадцатилетняя Ирочка. Каталась по перилам и сломала ногу. Рядом с ней серьезная, но очень симпатичная Оля. Та играла в снежки, закидала приятеля, а он шутя бросился на «агрессоршу», не удержался и шлепнулся прямо на нее. Результат – сломанная нога и разбитый нос. Дальше шла кровать Юли, а у самого входа лежала Настя. Ей исполнилось двадцать пять, но худенькая, светленькая и улыбчивая Настенька казалась моложе. Кстати, ее травма оказалась самой тяжелой – перелом шейки бедра. Вышла за продуктами и вот, пожалуйста, споткнулась на обледеневшем асфальте. Несмотря на то что девчонки лежали неподвижно, только Ирочка кое-как ковыляла на костылях, смех в палате не затихал ни на минуту.

Из других палат несло тяжелым запахом мочи и слыша-

лись бесконечные стоны. Три четверти отделения составляли старики и старухи, к которым навевались в лучшем случае по воскресеньям. В 717-й всегда толпился народ. Возле Иры и Оли суетились родители, друзья и ухажеры, к Насте постоянно приходил муж, заглядывала свекровь. Но, несмотря на то, что и тот, и другая мило здоровались, улыбались и с энтузиазмом ухаживали за Настей, мне они решительно не нравились. Сама не знаю почему, просто каждый раз в их присутствии по моей спине пробегал озноб.

Кстати, сама Настя не слишком радовалась, завидя родственников. Нет, внешне все выглядело абсолютно нормально. Она целовала мужа, улыбалась, интересовалась домашними новостями, но глаза ее оставались настороженными.

Как-то раз я пришла не слишком удачно, во время тихого часа. Все спали, только Настенька занималась странным делом – выливала в судно пакет сока. Увидав меня, она вздрогнула и пояснила:

– Скис, боюсь пить.

– Конечно, – одобрила я, – не надо есть плохие продукты. Впрочем, тебе столько приносят, что немудрено, если портится.

– Да уж, – тихо вздохнула Настя, – заботятся. Вот еще, пожалуйста, выброси печенку, свекровь вчера притащила.

Я открыла крышку и понюхала содержимое банки. На вид совсем свежее, даже аппетитное – небольшие кусочки в сметанном соусе и картошка.

– По-моему, это можно съесть...

– Выброси, – неожиданно зло сказала Настя, – выброси.

Я пожалала плечами. Если ей хочется выбрасывать качественные продукты – не стану спорить. В конце концов, не я покупала и готовила. Зашвырнув баночку в помойное ведро, я тихонько разбудила Юлечку и принялась кормить. По странному совпадению я тоже приготовила печенку, только с макаронами. Юля быстро слопала полкастрюльки и спросила у проснувшейся Иры:

– Хочешь? Вкусно.

– Нет, – покачала та головой, – сейчас мама придет, холодец принесет.

– Может, ты? – повернулась Юля к Оле.

Но она замахала руками:

– Спасибо, но я так объелась с утра.

– Настенька, – продолжала Юля, – съешь...

– С удовольствием, – отозвалась та и принялась азартно орудовать ложкой в кастрюльке, – люблю печенку, а с макаронами в особенности.

Я с удивлением смотрела на нее. Ну не странно ли! Выбросить свою еду и наброситься на чужую!

Следующие два дня я исподтишка следила за Настей и выяснила прелюбопытную вещь. Она не ела ничего из того, что приносили муж и свекровь. Сок, кефир, морс и суп выливали в судно, фрукты и конфеты потихоньку выбрасывала, в помойное ведро отправлялись йогурты, емкости с мясом

и даже бутерброды с икрой. Настенька ела отвратительную больничную еду, отказываясь от деликатесов. Причем, когда Юля, Ира или Оля угощали ее вкусеньким, благодарно принимала. Сама же ни разу не угостила ничем соседок, предпочитая «кормить» помойку. Такое поведение удивляло и настораживало, но девчонки, очевидно, ничего не замечали.

Четырнадцатого января я прибежала, как всегда, в одиннадцать утра и увидела на Настиной кровати пожилую женщину с загипсованной рукой. Страшно удивившись, я спросила:

– А где Настя?

– Ее вчера поздно вечером перевели в другую больницу, – пояснила Юля.

– Муж с Козой поругался, – влезла Оля, – разорался: «Вы тут не лечите».

– И куда же ее отправили? – продолжала недоумевать я.

– Вроде в ЦИТО, – пожалала худенькими плечиками Оля, – там обещали операцию сделать, поставить искусственный сустав.

Ирочка молчала, отвернувшись к стенке. День побежал по заведенному кругу – обход, перевязки, уколы... После обеда уставшая палата заснула. Я пристроилась в кресле у окна, собираясь почитать газету.

– Лампа Андреевна, – раздался тихий шепот.

Я подняла голову. Ирочка спустила ноги с кровати и манила меня пальцем.

– Пойдемте, покурим.

Мы вышли на холодную, довольно грязную лестницу, и девушка, вытащив пачку «Золотой Явы», пробормотала:

– Странно как с Настей вышло...

Я вздохнула:

– Наверное, в ЦИТО и впрямь лучше...

Ирочка повертела в руках сигарету и сказала:

– Она всю еду, что ей приносили, выбрасывала.

Я кивнула. Ирочка помолчала и добавила:

– Нас никогда не угощала и даже нянечкам не давала.

Здесь все так делают, что съесть не могут, санитаркам всовывают. А Настя – никогда. Хорошие мандарины в помойку.

Почему?

Я молчала. Ира выкурила сигарету и решительно добавила:

– Я знаю, она боялась, что ее отравят.

– Кто? Любящий муж и свекровь?

Ирочка сосредоточенно глянула в окно.

– Они больше притворялись...

– Ну, знаешь ли, – рассмеялась я, – хороши притворщики, каждый день как на работу, с сумками, полными деликатесов.

– Все равно, – упорствовала Ирочка, – притворялись, Настя мне шепнула, что они хотят ее со свету сжить! А любовь только изображают!

Я опять засмеялась, но тут же осеклась, вспомнив своего

супруга и его трепетную «заботу» о моем здоровье. Разное, конечно, в жизни бывает. Тем временем Ирочка стащила с шеи цепочку, на которой болтался ключик.

– Вот.

– Что это?

– Часа за два до того, как Настю увезли, – пояснила де-вушка, – она дала мне этот ключик.

– Зачем?

– Ну, она пребывала в ужасном настроении, твердила, будто ее обязательно убьют, якобы из-за квартиры. Вроде муж иногородний, привез мать, и теперь они вдвоем Настю со свету сживают, чтобы после ее смерти им квартира досталась. А у нее никого из родственников нет.

– Фу, какая глупость, – отозвалась я, – намного проще развестись и разделить квартиру.

– Не знаю, – развела руками Ирочка, – просто передаю ее слова.

– А ключик при чем?

– Настя просила, если с ней что-либо случится, открыть ячейку в «Мапо-банке».

– Зачем?

– Забрать оттуда что-то, очень просила, даже плакала. Так вот я и подумала. Мне из больницы еще месяца два не выйти, может, сходите и посмотрите?

– Так с Настей вроде все в порядке.

– А откуда вы знаете? – серьезно спросила Ирочка, вкла-

дывая мне в руку ключик, – ее же увезли...

– Ладно, – согласилась я, – спрошу у Козы, куда перевели Настю, навещу ее и отдам ключ.

Ирочка повеселела:

– Спасибо, вы прямо камень с души сняли.

Глава 3

Но ни завтра, ни послезавтра я не смогла заняться обещанными поисками Насти, потому что в нашей палате произошло страшное несчастье. Утром Ирочка не проснулась, как всегда, раньше всех. Не откинула она одеяло и во время обхода. Дежурный врач, рассердившись на сонную больную, резко потряс девушку за плечо и окаменел. Ирочка была мертва. Оля и Юля в ужасе закричали. Анна Ивановна, пожилая женщина с поломанной рукой, выскочила, голося, в коридор...

Когда я пришла в палату, Ирочкина кровать сияла чистым бельем, а Оля с Юлей категорично просили забрать их под расписку домой.

– Не останусь тут ни минуты, – всхлипывала Юля, – ничего не лечат, просто лежишь в гипсе. Это и дома можно. Лампочка, забери меня.

– Господи, – забормотала я, неловко запихивая в пакеты вещи, – конечно, конечно, только к доктору зайду.

Мрачный Станислав Федорович что-то сосредоточенно писал в пухлой тетради.

– Какой кошмар, – дала я волю чувствам, – такая молодая, и всего-то нога сломана была, ну что могло случиться?

– Тромбоэмболия легочной артерии, – сурово ответил Коза, – такое изредка происходит. Грубо говоря, сгусток крови

оторвался и закупорил сосуд.

– Ужас! – Я не могла прийти в себя. – Я хочу забрать Юлю домой.

– Глупо, – отозвался Станислав Федорович, – в смерти Сапрыкиной никто не виноват, судьба, карма. Разве вы сумеете дома обеспечить надлежащий уход?

– Ну, честно говоря, – обозлилась я, – у вас тоже не слишком ухаживают, нянечку не дозовешься, медсестру не допросишься. Только деньги берут, по пятьдесят рублей за смену, а ничего не делают...

Коза возмущенно фыркнул, но возразить ему было нечего.

– Все равно я целый день у кровати сижу, – неслась я дальше, – лучше уж дома. Кстати, Настю-то забрали, а ее случай похуже нашего будет.

– Звягинцеву перевели в ЦИТО, – пояснил Коза

– Зачем бы это, если у вас такой отличный уход, – поддела я его.

– Ей требуется поставить искусственный сустав, – спокойно пояснил Станислав Федорович, – он стоит тысяча четыреста долларов, очень дорого, не каждому по карману, а в ЦИТО у них родственник работает, вроде обещали сделать бесплатно.

– Странно, что сначала ее в Склиф привезли, – протянула я.

– Так ее на улице подобрали, – пояснил Коза и велел: –

Пишите расписку.

К обеду 717-я палата опустела полностью. Сначала отец забрал Олю, потом за Анной Ивановной примчался внук, а около двух прилетел Сережка, и мы отвезли Юлечку домой.

Оказавшись в родной спальне, Юлька блаженно откинулась на подушки и вздохнула.

– Хорошо дома! В палате ужасно воняло.

– Да уж, – согласилась я, – пахло не розами.

– Какой все-таки ужас, – пробормотала Юлечка, – молодая, здоровая, только-только девятнадцать исполнилось, и, пожалуйста, умерла.

– Блинчики с мясом будешь, – я попробовала переменить тему разговора, – или лучше оладушки с вареньем?

Юлечка облизнулась.

– Если честно сказать, Лампушечка, больше всего хочется жареной картошечки на сале с зеленым луком.

– Не вопрос, – пообещала я, – как раз в морозильнике лежит отличный кусок сала с прожилочками. Давай, погляди пока телик, картошка враз изжарится.

– Да, – завопил из коридора Кирюшка, – Юльке картошечки, а мне?

– Ты уже вернулся, – удивилась я, – на тренировку не пошел?

Кирюшка мрачно протянул записку:

– Вот.

Мои руки быстро развернули бумажку: «Кирилл Романов

лишен права занятий на десять дней».

– За что? – возмутилась я. – А ну, колись, чего натворил.

– Ага, – заныл Кирка, – он первый начал, пришлось ответить, кто же знал, что у него нос такой нежный, сразу кровь потекла. А уж вопил! Будто я убил его!

– Кого?

– Никиту Фомина.

– За что? – продолжала интересоваться я.

– Ну, – вновь завел Кирка, – говорю же, Кит первый полез, он меня, а я его, а нас тренер...

Поняв, что никогда не узнаю правды, я со вздохом спросила:

– В школе как?

Кирюшка совсем поскуучнел и вытащил дневник. Я быстро его пролистала и обомлела. В графе «математика» стояло восемь двоек.

– Ничего себе, как ты ухитрился в один день столько «неудов» нахватать?

Мальчишка начал загибать пальцы:

– Одна за домашнее задание, другая по контрольной, третья за самостоятельную, потом у доски отвечал, работа в классе, решение задачи, выученное правило...

– Только семь получается...

Кирка забормотал:

– Домашнее задание, контрольная, самостоятельная, ответ, работа, решение, правило... Что-то еще было...

– Конечно, – вздохнула я, – раз восемь «лебедей», а не семь.

– Вспомнил! – обрадовался мой «Эйнштейн». – Учебник дома забыл! Последняя пара за него!

Я не знала, как реагировать. Однако какая странная учительница, вполне хватило бы одной двойки, ну двух, ладно, трех, но не восемь же!

– Она сегодня всем неудов вломила, – пояснил Кирка, – злая, жуть!

– Небось довели! – посочувствовала я. – Болтали или жеваной бумагой стрелялись.

– Не-а, – ухмыльнулся Кирка, – от нее муж улизнул. Другую нашел, молодую. В общем, неудивительно. Адель Петровна страшная дура и скандалистка, ну какой мужик выдержит? Вот она и бушевала! В девятом всех с урока повыгоняла, в седьмом контрольную на два часа закатала, ну а нам пар навтыкала! Говорю же, дура! Другая б на ее месте спокойненько объяснила: горе, ребята, развожусь! Ее еще бы пожалели! Вон историчка забеременела, да неудачно, выкидыш случился. Так она всем все объяснила, и тишина у нее на уроках – могила. Лишний раз волновать не хотели. Мы же люди, все понимаем. А эта – тьфу!

И он, сопя от возмущения, принялся стаскивать джинсы. Я молча стояла рядом. До чего странные нынче учителя! Когда я училась в школе, мы никогда ничего не знали о личной жизни педагогов. Все преподавательницы были строги,

вежливы и держали дистанцию. Наверное, в учительской они рассказывали друг другу о своих бедах и радостях, но на уроках сохраняли непроницаемое выражение лица, словно боги с Олимпа. Невозможно было даже представить себе, что они ссорятся с мужьями, готовят обеды и стирают белье... А теперь! Рассказывать детям о выкидыше! Может, я становлюсь ханжой?

– Лампушечка, – залез безил Кирюша, – а мне картошечки?

– Ладно, иди мой руки, – вздохнула я, – не морить же тебя голодом, Лобачевский.

– С салом, зеленым луком и чесноком, – уточнил Кирюшка и с гиканьем понесся в ванную.

Я ухмыльнулась. У Кирюшки самый счастливый возраст, забот никаких, и если в школе плохо, то пусть хоть дома будет хорошо, иначе зачем человеку семья?

Не успела пожариться картошка, как прибежал Сережка, потом Катя. Вечер пролетел незаметно, в домашних хлопотах. На следующий день пришлось сначала улаживать дела в школе, потом сходить к тренеру... Словом, о Насте я вспомнила только в субботу, собираясь на рынок. Вытряхнула на диван сумку в поисках кошелька и наткнулась на ключик. Делать нечего, придется ехать в ЦИТО, мало ли что хранится в ячейке, насколько я знаю, без ключа к ней и близко не подпустят.

В Центральном институте травматологии приветливая женщина в безукоризненно белом халате принялась мето-

дично перелистывать большую книгу. Минут пять она внимательно вчитывалась в страницы и наконец заявила:

– Такая не поступала.

– Проверьте еще разок, – попросила я. – Звягинцева Анастасия, с переломом шейки бедра, переведена из Склифа.

– У нас не пишут, откуда больной, – вежливо возразила служащая и опять принялась изучать пухлый том.

– Нет, не было.

Я страшно удивилась:

– Как же так! Говорили, к вам отправили, сустав искусственный собрались ставить.

Женщина развела руками.

– Может, передумали или в другое учреждение определили. Сейчас пластику многие делают, на самом деле ничего сложного, цена, конечно, кусается...

В глубоком изумлении я вышла на Садовое кольцо и решила доехать до Склифосовского, не так уж и далеко было.

Коза был в ординаторской. Увидев меня, он хмыкнул и ехидно спросил:

– Небось назад хотите...

– Ни за что, – успокоила я его, – скажите, куда увезли Настю Звягинцеву?

– Звягинцева, Звягинцева, – начал чесать в затылке хирург.

– Перелом шейки бедра из 717-й, – напомнила я.

– Ах, эта, – обрадовался Станислав Федорович и потянул-

ся к толстым историям болезни.

Нет, все-таки у врачей омерзительная привычка запоминать не человека, а его хворобы. В прежней жизни я часто посещала гинеколога, все надеялась родить ребенка, да видно, не судьба. На прием ходила только к профессору Карымышинскому. Так вот, милейший Михаил Федорович никогда меня не узнавал. Я появлялась в кабинете, и доктор сухо бросал:

– Раздевайтесь.

Но стоило влезть на кресло, как добряк-врач расплывался в радостной улыбке.

– Фросенька, детка, как дела?

Узнавал он меня не по лицу. Вот и Коза припомнил Настю, лишь услышав про диагноз.

– Ее свезли в ЦИТО, – пояснил хирург, – вот черным по белому записано: родственники пожелали дальнейшее лечение проводить в НИИ травматологии.

– Но там Насти нет, – пробормотала я, – разве вы не ответственны за больных?

– Только пока они в моей палате, – хмыкнул Станислав Федорович, – вышли за ворота, и привет!

– Дайте ее домашний адрес, – попросила я.

– Красноармейская, дом 27, – охотно пошел навстречу Коза, – и телефон есть.

Я быстренько записала данные, но тут хирург неожиданно насторожился:

– Погодите, вам зачем?

Секунду я поколебалась, а потом соврала:

– Она случайно наш чайник прихватила, «Тефаль» с золотой спиралью.

– А, – успокоился врач, – конечно, нехорошо, ну ничего, позвоните, и все устроится.

На улице стояла невыносимая стужа. Постанывая от мороза и клая зубы, я понеслась по проспекту Мира к метро. Навстречу бежали прохожие, укутанные по самые брови. Уличные торговцы, все как один в гигантских валенках и армейских полушубках, резво подпрыгивали на месте, хлопая себя по бокам рукавицами.

Я влетела в просторный вестибюль, чувствуя, что желудок превратился в кусок льда. В тепле щеки защипало, а нос начал безостановочно чихать.

– Ходит тут, заразу распространяет, – прошипела тетка лет шестидесяти, торгующая газетами, – сиди дома, коли грипп подцепила.

Решив не обращать внимания на хамство, я подошла к телефонам-автоматам и набрала номер, полученный от Козы. Мерные гудки спокойно падали в ухо, на десятом руке потянулась к рычагу, но тут раздался щелчок и сердитый мужской голос:

– Кого надо?

Однако можно ведь и повежливей.

– Анастасию Звягинцеву.

– Она больна, к телефону не подходит, – отрезал голос и уточнил: – Лежит в клинике.

– В какой?

– Кто вы? – еще более сердито произнес мужик. – Чего хотите?

Я даже не успела подумать, как язык сболтнул:

– Медсестра из Склифосовского беспокоит. Мы обязаны указать в карте, куда перевели больную.

– В 1269-ю клинику, – пояснил нелюбезный собеседник, делаясь почти учтивым.

– Да? – изобразила я удивление. – А говорили, в ЦИТО...

В трубке что-то хрустнуло, и парень пояснил:

– Правда, думали туда, только очень дорого, в 1269-й бесплатно делают. Так что не волнуйтесь, отметьте, где надо, и оставьте меня в покое.

Потом, очевидно, чтобы смягчить свое хамство, добавил:

– Извините, хлопот полон рот, Настя в больнице, а тут еще мать заболела.

Я повесила трубку и стащила варежки. Интересно, где это 1269-я больница? Оказалось, в Перово, причем в двух шагах от метро, я даже не успела замерзнуть, только вдохнула пару раз ледяной воздух.

И снова женщина в окошке с табличкой «Справочная» принялась ворчать:

– Звягинцева, Звягинцева...

Палец с обломанным ногтем медленно скользил по строч-

кам.

– Нет такой, – вздохнула служащая.

Я удивилась и обозлилась до крайности. Ехала черт знает куда и совершенно зря. Ну нет, я так просто не отстану.

Войдя в здание метро, я опять принялась названивать Насте домой. И снова трубку сняли лишь на пятнадцатый гудок, и вновь злой голос рывкнул:

– Что надо?

– Простите, недавно звонила вам, я медсестра из Склифа.

– Что еще? – пробормотал мужчина.

– Боюсь, неправильно записала номер клиники, куда перевели Звягинцеву.

– 1269-я, – гавкнул мужик.

– Ее там нет, – спокойно парировала я.

Воцарилось молчание. Потом парень, сбавив тон, пробормотал:

– Вы что, интересовались в больнице?

– Конечно.

– Зачем?

– Мы несем ответственность за больную и обязаны удостовериться, что она госпитализирована надлежащим образом.

– Подождите, – буркнул мужик.

Пару минут спустя в трубке зажурчал сладкий дамский голос:

– Ах, дорогая, простите великодушно. Сын окончательно

растерялся. Настенька больна, я захворала, вот он все и пу-
тает. Лежит она в 874-й больнице, на Варшавском шоссе, в
третьем корпусе, палата 213. Не беспокойтесь.

– Спасибо, – пробормотала я и повесила трубку. 874-я
больница! Каким же идиотом следует быть, чтобы перепу-
тать два таких непохожих номера, как 1269 и 874!

Кипя негодованием, я поехала домой. Замерзла и прого-
лодалась я ужасно, а Варшавское шоссе так далеко от дома.

Приехав, я быстренько выпила подряд три чашки чая и
почувствовала, что начинаю согреваться. Потом покормила
Юлю, сунула в духовку сляпанный наскоро кекс и решила
чуть-чуть отдохнуть у телевизора. Программа обещала обо-
жаемых мной «Ментов», и я в предвкушении удовольствия
устроилась в кресле. Милый детектив, чашечка ароматного
кофе, пара шоколадных конфет... Ну что еще надо человеку
для счастья? Только одно – чтобы его не трогали, и, честно
говоря, я не ожидала неприятностей. Сережка уехал на два
дня в Петербург, Катя дежурит, Юлечка спит, а Кирюшка
корпит над уроками...

Но не успела на экране появиться знакомая заставка, как
в комнату всунулась растрепанная голова, и Кирюшка тра-
гическим шепотом произнес:

– Все, пропал!

– Ну, что еще? – весьма недовольно пробормотала я, смот-
ря одним глазом на экран, где Ларин как раз обнаружил оче-
редной труп.

– Пропал, – повторил Кирюшка и отчаянно зашмыгал носом.

Поняв, что спокойно посмотреть кино не удастся, я с сожалением покосилась на телевизор и безнадежно поинтересовалась:

– В чем проблема?

– Задали...

– Только не алгебра, – быстренько прервала я его, – я ничего не смыслю в математике.

И это святая правда. В школе, правда, у меня всегда была тройка, поставленная жалостливой учительницей. Честно говоря, подобная оценка моих знаний была явно завышена, так как даже таблица умножения мне оказалась не по зубам. Считаю я отвратительно и, умножая 15 на 20, каждый раз получаю разный результат. Впрочем, за пределами моего понимания остались физика, химия, астрономия, геометрия. Кстати, и по истории я никогда не могла запомнить дат, а в биологии – всяких членистоногих, земноводных и пресмыкающихся...

Знания, вынесенные мною из школы, были настолько хрупки и малочисленны, что подходить ко мне с просьбой помочь в выполнении домашних заданий было просто бессмысленно. Но Кирюшка все же не терял надежды и ныл:

– Ну, Лампочка, подскажи...

Выяснилось, что учительница литературы задала сочинение на тему: «Как бы я поступил на месте городничего» по

бессмертной пьесе Н.В. Гоголя «Ревизор».

– Как? – вопрошал Кирюшка. – Как поступить?

– Ну, – предложила я, – уволь всех чиновников, искорени взяточничество и посади Хлестакова в тюрьму!

– Ладно, – охотно согласился мальчик и убежал.

Не ожидая, что меня так быстро и легко оставят в покое, я поуютнее устроилась в кресле и принялась наслаждаться успешным остыть кофе и детективом.

Глава 4

Больница на Варшавском шоссе выглядела отвратительно. Старое, облупившее здание дореволюционной постройки, явно знававшее лучшие времена. Когда-то вход украшали скульптуры, теперь же от них остались лишь постаменты.

Внутри – ничего похожего на Склифосовский или на чисто вымытый вестибюль ЦИТО. На полу – грязь, а окошко справочной – закрыто. Я подошла к скаучающей гардеробщице и поинтересовалась:

– Третье отделение где?

– Я не нанималась на вопросы отвечать, – завела баба, – зарплата копеечная, со всеми языком болтать недосуг, кто за справки деньги получает, тот пусть и работает.

Тяжелый вздох вырвался из моей груди. Ну не проще ли сказать коротко: «налево» или «прямо по коридору». Но гардеробщица продолжала брюзжать:

– Шапку не возьму, шарф тоже, потеряются, отвечать придется.

Засунув отброшенные вещи в пакет, я двинулась было к лестнице, но гардеробщица взвизгнула:

– Ишь, хитрая, бахилы одень! Много вас тут ходит, грязь таскает!

– Где их взять?

– Купить! Пять рублей.

Я беспрекословно протянула монетку. Тетка швырнула на прилавок два голубеньких мешочка, явно не новых. Все ясно, вынимает из урны использованные «тапочки» и продает еще раз. Нацепив на сапоги «калоши», я поднялась по щербатой лестнице, правда, широкой и мраморной.

Третье отделение находилось на втором этаже. Я потянула дверь с табличкой «Травматология» и невольно отшатнулась. В лицо ударил резкий запах мочи, хлорки, кислых щей и каких-то лекарств. В Склифе тоже воняло, но не до такой степени. Двери палат были открыты, виднелись огромные железные кровати с загипсованными людьми. 213-я палата была в самом конце корпуса. Я вошла в тесное помещение, заставленное койками, и стала озираться. Что-то не видно Насти.

Всего там лежало восемь человек, в основном старухи, укутанные до подбородков тонкими одеялами. Шестнадцать пар глаз с надеждой уставились на меня.

– Звягинцева здесь лежит? – громко спросила я.

Последовало молчание, потом дребезжащий голосок откуда-то из угла сообщил:

– Спросите на посту.

– Так Насти тут нет?

На свой вопрос я не услышала ответа. Я выпала в коридор и, чувствуя, как от затхлого воздуха начинает кружиться голова, пошла искать хоть кого-нибудь из представителей медицины. Но люди в белых халатах словно испарились. Над

некоторыми палатами горели красные лампы, но никто не спешил на помощь к страждущим. Лишь в самом конце кишкообразного коридора я обнаружила толстую, крайне недовольную няньку рядом с ведром грязной воды и шваброй.

– Доктора на конференции, – мрачно пояснила она и, покосившись на мои бахилы, прибавила: – Ходют, грязь таскают, убирай потом! Посещения с трех, тут больница, а не парк, чтоб являться, когда захочешь.

Решив не злить и без того сердитую бабу, я изобразила самую сладкую улыбку и пропела:

– Простите, я не знала, в справочном окошке никого...

– То-то и оно, – вздохнула санитарка, шлепая грязной тряпкой по вонючему линолеуму, – ты пойдешь работать за триста рублей в месяц?

За три сотни целый день разговаривать с родственниками больных?

– Никогда.

– Вот поэтому и в окошке пусто, – ответила нянька и неожиданно подобрела: – Ступай на черную лестницу, девки там курят небось!

– Где это?

– Там! – ткнула баба пальцем в дверь с табличкой «Не входить. Служебные, очень злые собаки».

Заметив мои колебания, она прибавила:

– Иди, иди, не бойся, бумажку повесили, чтоб больные не шлялись, а то везде пролезут, покоя не дадут, ироды эфиоп-

ские.

Недоумевая, при чем тут Эфиопия, я толкнула дверь и оказалась на маленькой и узкой лестничной площадке. Возле грязного, давно не мытого окна, на подоконнике сидели две девчонки в голубых хирургических пижамах. Между ними стояла набитая окурками железная банка из-под «Нескафе». Девицы были похожи на позитив и негатив. Одна беленькая, румяная, голубоглазая, словно недавно выпеченная булочка, пухлая и аппетитная. Другая – смуглая, черноволосая, с ярким ртом и глазами-маслинами, скорей ржаной сухарик, если продолжать кулинарные сравнения.

– Что надо? – окрысилась «булочка». – На секунду отошли.

– Обезболивающие только по распоряжению врача, – быстро добавила «сухарик».

– Нет, нет, – поспешила я их успокоить, – ничего не надо. Скажите только, в какой палате Звягинцева...

– Ты помнишь? – спросила беленькая.

Черненькая пожала плечами.

– Сейчас докурим и посмотрим.

Процесс курения растянулся на полчаса, я маялась в коридоре, лихорадочно соображая, какой табак может куриться так долго. Гаванская сигара толщиной в ногу? Кальян? Наконец девчонки выпорхнули, и беленькая смилостивилась:

– Пошли.

Следующие минут десять она разглядывала какие-то

списки и наконец произнесла:

– Звягинцева Анастасия Валентиновна, 1975 года рождения?

Я не знала отчества Насти, но все остальное совпадало.

– Да.

– Она умерла, – равнодушно обронила медсестра.

От изумления я чуть не упала.

– Как?

– Подробности у лечащего врача, – поскущнула девица.

– Что же случилось? – недоумевала я, – конечно, перелом шейки бедра дело неприятное, но ведь не смертельное...

– Ничего не знаю, – отрезала девчонка, – вот придет с конференции Роман Яковлевич и расскажет.

– Кто?

– Минаев Роман Яковлевич, ее лечащий врач, – пояснила собеседница.

– А когда...

– Все у Минаева.

– Когда она умерла?

– Позавчера.

– Господи, – подскочила я на месте, – почему же родственникам не сообщили?

– Вы чего, тетя? – вызверилась «булочка». – Очень даже сообщили. Нам трупы не нужны. Приезжали и свекровь, и муж, супруг даже в обморок упал.

Отказываясь что-либо понимать, я принялась мерить ша-

гами коридор. Наконец вдали послышались голоса, и появилась группа людей в голубых, зеленых и белых костюмах.

– Роман Яковлевич, – позвала я.

Молоденький парень в больших очках притормозил на бегу и спросил:

– Вы ко мне?

– Да.

– Слушаю.

– Я относительно Звягинцевой.

Крупные, оттопыренные уши очкарика вспыхнули огнем, и он пробормотал, опуская глаза:

– Пойдемте в ординаторскую

В довольно большой комнате на письменном столе мирно лежали остатки завтрака. Несколько ломтиков колбасы, наломанный батон и пакетик «Липтон».

– Звягинцева скончалась, – со вздохом сообщил парень, опускаясь на стул.

Лицо доктора было совсем молодым, больше двадцати ни за что не дашь. Но раз работает в больнице, наверное, закончил институт.

– Мне уже сказали, – ответила я, – хотелось бы знать, отчего.

– Кто вы, собственно говоря, такая? – выпустил когти Мишаев.

– Тетя Насти.

– Все объяснения даны мужу, – сухо пояснил врач, – у него

и спрашивайте.

Я усталилась на «Гиппократы» в упор. Надо же, небось только начал практиковать, а уж освоил повадки стаи. Но откуда молодому нахалу знать, что моя лучшая и единственная подруга – хирург? Так вот Катюша не раз говорила:

– В больнице главное – не пускать дело на самотек. Уложили в палату и успокоились, дескать, врачи сами все необходимое сделают. Нет, не сделают; надо проявлять бдительность, не стесняться спрашивать названия лекарств, требовать консультаций профессора, следить, как выполняют назначения медсестры. К сожалению, сейчас много недобросовестных работников. Если у больного скандальные родственники, побоятся связываться. Они с жалобами побегут, потом по комиссиям затаскают, еще в суд подадут...

Вздыхнув поглубже, я процедила:

– Вот что, любезнейший, извольте дать исчерпывающий ответ на вопрос. Иначе, посмотрев на здешние порядки, я отправлюсь в Минздрав, а следом в суд. Пусть проведут служебное расследование, назначат комиссию да проверят, как вы, с позволения сказать, лечили мою несчастную племянницу, здоровую во всех смыслах, не считая сломанной ноги.

Уши врача превратились в факелы, и он забормотал:

– Ничьей вины тут нет, иногда случается подобное, в частности, у лежачих больных...

– Что это было?

– Тромбоэмболия легочной артерии.

– Что? – не удержалась я.

Но Минаев не знал о кончине Ирочки, поэтому решил, что слушательница просто не поняла мудреный термин, и пустился в объяснения:

– С каждым может приключиться, в особенности если варикоз наблюдается или свертываемость крови повышена. Правда, у молодых женщин это бывает реже, чаще после климакса. Сгусток крови оторвался и закупорил сосуд.

– И ничего нельзя было поделать?

Минаев напрягся.

– В принципе можно – мгновенную операцию, дело решают минуты, но, как правило, такое удается, если казус произошел в присутствии доктора, ну, во время обхода или осмотра. А так человек просто перестает дышать, и соседи по палате думают, что он спит. Ваша племянница страдала тромбозом, муж говорил, постоянно жаловалась на судороги в ногах... Печально, конечно, двадцать пять лет – не возраст для смерти, но, поверьте, никто не виноват, судьба!

– Ничего себе! – пришла я в полное негодование – Судьба! Да у вас просто отвратительные условия! В 213-й палате безумное количество больных!

Роман Яковлевич внимательно глянул на меня.

– Кто сказал, что Звягинцева лежала в 213-й палате?

– В справочной, – быстро нашлась я.

– Перепутали. Ее место было в 213-й «а», это платное отделение, и, поверьте, условия – лучше не найти. Для вашей

племянницы сделали все.

– Так уж и все, – фыркнула я. – надо было в Склифе оставить или в ЦИТО перевести...

– Но Звягинцевой ведь требовалось психиатрическое наблюдение, а сделать подобное ни в Склифосовском, ни в НИИ травматологии нельзя, только у нас имеется специальное отделение, одно на всю Москву. Таких больных в психиатрическую клинику не кладут, там не умеют за травмой ухаживать!

– При чем тут психиатрия? – не поняла я.

Минаев моментально захлопнул рот, потом процедил:

– Хороша же вы тетя. Разговор закончен!

– Но...

– Никаких «но», и вообще, предъявите паспорт!

Пришлось спешно отступить, бормоча под нос:

– Оставила дома.

Перед тем как покинуть больницу, я отловила медсестру и поинтересовалась:

– Где палата 213 «а»?

– В платном отделении, на пятом этаже.

Да, там открылась иная картина. Ковровые дорожки, телевизоры, ласковый персонал, комнаты на одного, и никакого запаха мочи и щей... Но и медсестры, и нянечки, сверкая улыбками, категорически отказались рассказывать о Насте.

– Сведения о больных только у лечащего врача, – в голос твердили они.

Я медленно побрела от больницы к метро. Какие-то смутные, неприятные мысли копошились в голове. Кончина молодой и, в общем, достаточно здоровой женщины выглядела более чем странно. Я провела в палате возле Юли десять дней, приходила утром, уходила вечером и не помню, чтобы Настя жаловалась на судороги. Конечно, у нее отчаянно болело травмированное бедро, она говорила, что тяжело спать в одной позе, на спине, просила вытряхнуть скопившиеся на простыне крошки, поправить подушки. Частенько мучилась головной болью, но судороги? Не слышала ни разу. И потом, пару раз, не найдя нянечку, я подавала ей судно. Настенька лежала в коротенькой рубашечке до пупа, и хорошенькие стройные, длинные ножки оказывались на виду, когда откидывалось одеяло. Конечно, правая, сломанная, нога выглядела не лучшим образом, распухшая и больная, но никаких уродливо выступающих вен и синих «узлов» я не заметила.

И потом, какое нелепое поведение родственников! Может, у них обоих шок от происшедшего, и муж, и свекровь не понимают, что говорят? Не хотели сообщить о кончине Насти постороннему человеку? Почему? Это секрет? И что лежит в банковской ячейке?

Потолкавшись бесцельно между аптечным киоском и газетным ларьком, я приняла решение и отправилась в «Мапо-банк».

Все-таки странное название для финансового учреждения, напоминает «Маппет-шоу», но с виду здание выглядело

солидно. Небольшой дом, выкрашенный розовой краской, вход во двор закрывает калитка. Я ткнула пальцем в кнопку.

– Изложите цель визита, – прогремел из динамика металлический голос.

Очень забавно. Найдется ли в целом свете хоть один налетчик, честно отвечающий на подобный вопрос:

– Хочу ограбить ваше деньгохранилище.

С языка уже был готов сорваться этот ответ, но я взяла себя в руки и сухо сообщила:

– Я здесь абонировала ячейку.

Замок щелкнул, ажурная калитка отворилась, я пересекла крохотный дворик и вошла внутрь. В холле маялся чудовищно толстый охранник. Интересно, как подобному экземпляру удалось устроиться на работу секьюрити? Да он и двух шагов не пробежит, задохнется. Впрочем, вдруг он метко стреляет, с двух рук, по-македонски.

Ничего не подозревавший о моих мыслях мужик велел:

– Посидите, сейчас придут.

Спустя минут пять вышел стройный парень в безукоризненном костюме и с папкой в руках и спросил:

– Вы в ячейку?

Я кивнула, и мы пошли налево. В небольшой комнате в стене были сделаны железные ящики.

– Номер? – спросил служащий.

Я растерялась.

– Не помню.

– Не беда, – успокоил парень, – покажите ключик. Ага, пятьдесят вторая.

Он раскрыл папку и вытащил какой-то листок.

– Что это? – не утерпела я.

– Договор об абонировании ячейки.

– Зачем?

Клерк глянул на меня и спокойно пояснил:

– Сейчас проверим, кто имеет доступ к содержимому.

– Разве ключа не достаточно?

– Нет. Впрочем...

– Что?

– В договоре указано – доступ имеет Звягинцева Анастасия Валентиновна или любой человек, имеющий ключ. Странно, как правило, так не делают, но такова воля клиента, и я не имею права чинить препятствий. Открывайте, проверяйте содержимое, потом позовете меня, я подожду в приемной.

И он быстро вышел. Я отыскала дверку с цифрой «52», ключик легко повернулся в скважине, открылась небольшая темная ниша. В глубине белела коробочка. Я вытащила на свет картонку, оказавшуюся упаковкой от тонометра, открыла и ахнула. Вся внутренность была забита стодолларовыми бумажками, внизу, под купюрами, оказался конверт. Четким, ясным почерком, без всяких кренделей и завитушек был написан адрес: улица Мирославская, дом восемнадцать, Рагозину Николаю Федоровичу.

Глава 5

По дороге в метро я несколько раз перечитала короткое послание: «Милый Николая, если держишь в руках это письмо, значит, меня нет в живых. Так уж распорядилась судьба, что никого из близких, кроме тебя, у меня нет. Деньги принадлежат Егору. Стоя на краю могилы, мне хочется думать, что брат будет хорошо обеспечен и не совершит тех глупостей, что допустила я. Зная твою безукоризненную честность, Николаша, верю – ты найдешь Егорушку и передашь ему завещанное. Последний известный мне его адрес – Новокисловский проезд, 29, Егор Валентинович Платов. Скорей всего, там живут сейчас люди, которым известно его нынешнее местопребывание. Николашенька, ни в коем случае не обращай ни к моему мужу, ни, тем более, к свекрови. Знай – это они убили меня, хотели получить квартиру, провинциалы.

Коленька, как только получишь доллары, сразу отвези Егорушке, он очень нуждается. И помолись за меня, несчастную, наивную и глупую. Прости за все, прощай, твоя Настя».

Поезд, покачиваясь, нес меня сквозь тьму. Пассажиры мирно занимались своими делами, читали, зевали, глазели по сторонам. Я сидела, вцепившись обеими руками в сумочку, боясь, что какой-нибудь воришка влезет внутрь.

Дома радостные собаки кинулись ко мне со всех лап, ви-

ля жирными хвостиками.

– Ладно вам, девочки, – пробормотала я, стягивая куртку, – гулять еще рано, кушать тоже не положено, идите спать.

Раздался стук костылей, и в коридоре показалась прыгающая на одной ноге Юля.

– Хорошо, что мне не надо выходить пописать на улицу, – хихикнула она.

Я вздохнула и отправилась на кухню жарить котлеты. Ей-богу, Юле иногда в голову приходят дикие мысли.

Не успела я бросить комочки фарша на сковородку, как влетел красный Кирюшка и выпалил:

– Все ты виновата!

От неожиданности мои руки разжались, и кусок фарша шлепнулся прямо перед носом Ады. Не веря своей удаче, мопсиха проглотила неожиданное угощение и плотно уселась у плиты, явно собираясь дожидаться следующего подарка судьбы.

– Что я сделала?

Кирилл беззвучно вытащил из грязного ранца потрепанный дневник. В графе «Русский» стояло две двойки. – Не понимаю...

– А и нечего понимать, – взвился мальчишка, – раз в жизни попросил – и вот результат.

– Объясни толком.

– Сочинение про городничего...

– Ну?

– Я спросил, что написать, а ты велела – искорени взяточничество, посади чиновников и Хлестакова в тюрьму.

– Что же в этом плохого?

– А то, – забубнил Кирюшка, – селедка вонючая сказала...

– Кто?

– Училка по литре и русишу, Татьяна Павловна, никогда не моется. Так вот, селедка вонючая заявила, что не просила писать фантастический рассказ. Говорит, взяточничество неискоренимо, а чиновники всегда избегут наказания.

– Так что она хотела?

– Не знаю. Маша Родионова написала про чистые улицы и получила пятерку. Ну да ей всегда «отлично» ставят!

– Вторая пара за что?

– За грамотность, – пригорюнился мальчишка, еле сдерживая слезы.

– Ну уж тут я ни при чем.

Кирилл сел на табуретку и зарыдал. Я прижала его голову к своему животу и пробормотала:

– Ну, ну, выход из безвыходного положения там же, где вход.

– Хорошо тебе говорить, – плакал Кирюшка, – а у меня круглое «два» везде выходит.

– Почему?

Мальчишка высморкался в кухонное полотенце и безнадежно ответил:

– По математике злобный карлик...

– Кто?

– Ну учительница, мы ее так прозвали...

Обиды полились из него рекой. Математичка тараторит, как ненормальная, объясняет быстро, понять невозможно. Потом притормозит, окинет класс взором и ехидно уточняет:

– Материал настолько прост, что усвоит даже имбецил. Впрочем, может, кто не понял?

Кирилл не знает, кто такой имбецил, но на всякий случай молчит.

Русичка устраивает через урок контрольные, новый материал не объясняет вообще, заявляя:

– В учебнике все написано, для того вам государство бесплатные книги выдало, чтоб вы их читали. Задача педагога – проверить знания.

Англичанка не привязывается, просто заставляет вслух читать бесконечный текст «Моя Родина», Кирюшку уже тошнит от описания Красной площади и Кремлевских башен.

Правда, есть и мелкие радости. Историчка постоянно болеет, а физик регулярно забывает, в какой класс пришел, начинает суетиться и объяснять нечто несусветное. Страшно смешно, просто обхохочешься.

Действительно смешно, только на самом деле хочется плакать, даже рыдать, что за знания получит ребенок? Нет, надо срочно решать вопрос, может, перевести его в другую шко-

лу?

– Ну, что у нас происходит? – раздался из коридора бодрый голос Кати.

Мопсы, благополучно не заметившие прихода хозяйки, взвыли и кинулись в прихожую.

– Хороши, – укорила подруга, – нечего сказать. Уже ничего не слышите, сони!

– Лампушечка, – жарко зашептал Кирюшка, прижимаясь плотней к моему животу, – давай не будем маме ничего рассказывать. Ну зачем ее нервировать! Расстроится, переживать начнет, а ей вредно!

Вот хитрец!

– Ладно, я сама улажу проблему, – пообещала я.

– Хочешь, посуду помою? – предложил Кирюшка.

– Конечно, – согласилась я, – только вытащи из плиты грязную утятницу.

Кирюшка с энтузиазмом кинулся отскребывать засохший на чугунных боках жир.

Катя влетела на кухню, шлепнула на стол штук шесть шуршащих пакетов и спросила:

– Ну, как дела?

Потом ее взор сфокусировался на Кирюшке, и она строго насупилась:

– Двоек нахватал?

– С чего ты взяла? – спросил Кирилл.

– Почему тогда посуду моешь?

– Нет, – возмутился мальчишка, – так жить просто нельзя!
Не подходишь к мойке – лентяем обзывают, схватишься за тарелки, пожалуйста, двоечник!

– У нас все в порядке, – быстренько сообщила я.

– Да? – недоверчиво протянула Катя, но тут в кухне появился Сережка, и подруга переключилась на него: – Господи, в каком ты виде!

– Колесо менял, – пояснил сын и потер руки. – Есть дают? Дождавшись, когда все насытятся и примутся за чай, я заинтересовалась:

– Катюнь, что такое тромбоземболия?

– Зачем тебе? – удивилась подруга.

– Для общего развития.

– Закупорка артерий в результате отрыва части тромба, образовавшегося в венах, полостях сердца, аорте.

– И что получается в результате?

– Гангрена конечности или инфаркт различных органов.

– Надо же, – встряла Юля, – я всегда считала, что инфаркт – это разрыв сердца.

– Не обязательно, – пояснила Катюша, – он бывает у почек, легких...

– Пациент погибает?

Катерина постучала вилкой по столу.

– Не могу ответить однозначно, как повезет. Могут успеть сделать операцию.

– Часто это встречается?

– Что? Сделанная операция или тромбоэмболия?

– Последнее.

– Бывает, в особенности если у больного тромбофлебит. А он может возникнуть при варикозном расширении вен, после операций или вследствие инфекционных болезней, тифа, например.

– Значит, если у тебя умрет больная от тромбоэмболии, ты не удивишься?

Катюша вздохнула.

– Смотря какая пациентка, что за диагноз.

– Ну вообще...

– Вообще не бывает!

– Катюша!

– А ты не спрашивай глупости. Если человек обратился по поводу насморка – одно, если мучается язвой – другое. Хотя случается всякое.

– Только скажи, тромбоэмболия редкость?

– К сожалению, нет! – рывкнула Катя и велела: – Говори, почему так медициной заинтересовалась?

Но тут, на счастье, прозвенел звонок. Пришла соседка Ниночка с просьбой померить давление. Пока Катюша вытаскивала тонометр, я быстренько улизнула к себе.

Около одиннадцати, когда квартира погрузилась в сонную дрему, я раскрыла бело-синюю коробочку и пересчитала деньги. Их оказалось ни много ни мало – ровно 30 тысяч долларов. Невероятная, гигантская сумма. Первый раз в

жизни я держала в руках такое количество «живых» денег, не кредитку, а купюры. Глядя на кучу баксов, я чувствовала, как по спине бежит озноб. Ну и в историю я влипла, надо поскорей найти Рагозина и отдать ему «клад». Пусть у мужика болит голова, как искать этого Егора!

Подумав еще минут десять, я пришла к выводу, что деньги нужно пока спрятать. Поеду к Рагозину, договорюсь, пусть парень сам явится сюда и заберет «кассу». Ну боюсь я кататься по Москве с такой прорвой денег!

Приняв эпохальное решение, я приступила к следующей части проблемы. Где схоронить кучу баксов? Положить в пакет и сунуть в морозильник? Запихнуть в банки с крупой? Нет, все не то! Наконец мой взгляд упал на поролоновую подушку, и я схватилась за ножницы.

Через час симпатичный велюровый мешочек, набитый тридцатью тысячами гринов, вновь притулился у спинки. На всякий случай я помяла подушечку, но ничего не услышала. Поролон надежно защищал бумагу. Вот и отлично, на ночь я буду класть ее под голову, а днем просто оставлю на покрывале. Никто не подумает, что в ней зашито состояние.

На следующий день около полудня я вышла из маршрутного такси и вздрогнула – ну просто край света. Причем в самом прямом смысле слова. Микроавтобусик стоял возле оврага. По левую сторону тянулся квартал унылых блочных домов, по правую – простирался пустырь, а за ним чернел лес. Пассажиров, кроме меня, не было, впрочем, прохожих

тоже.

– Где тут Мирославская улица? – спросила я у шофера.

Тот спокойно вытащил сигареты и ответил:

– А фиг ее знает!

Вздохнув, я пошла в сторону домов и уже через пару минут поняла, что двигаюсь в правильном направлении. На углу первого здания синела вывеска «Мирославская, 2». Приободрившись, я почти побежала по узенькому обледелому тротуару. Восемнадцатый дом оказался последним – огромная семнадцатизэтажная башня. Добравшись до нужной квартиры, я позвонила, дверь распахнулась тут же.

На пороге показался парень в мятом спортивном костюме. Короткие каштановые волосы стояли торчком, на щеке были видны полосы от подушки. Очевидно, он мирно спал, несмотря на полдень.

Не успела я открыть рот, как парень близоруко прищурился и спросил:

– Ты кто?

Тяжелый запах перегара ударил мне в нос, я машинально ответил:

– Евлампия Романова.

Хозяин попытался собрать мысли, но они, очевидно, расползались, как тараканы. Поерошив грязной рукой кудри, юноша выдохнул:

– Чтой-то я тебя не помню. Ладно, все равно, водку принесла?

– Нет, – окончательно растерялась я.

– Плохо, – укорил мальчишка и велел: – Магазин за углом, действуй.

– Мне надо поговорить...

– Неси бутылку, тогда и побеседуем, – отрезало небесное создание и захлопнуло дверь.

Пришлось идти вниз и покупать «Гжелку». Вид стеклянной емкости с бело-синей наклейкой привел парнишку в состояние эйфории.

– Вот здорово, – зачмокал он и трясущейся рукой принял-ся откупоривать пробку. – Давай заходи.

Я влезла в грязную донельзя прихожую и поинтересовалась:

– Рагозин Николай Федорович?

– Кто?

– Ты.

– Не-а, – пробормотал юноша, – я Костя.

– А Николай где?

– Не знаю, – ответил Константин.

– Значит, ты хозяин, – решила я уточнить ситуацию.

– Кто?

– Ты.

– Кто сказал?

– Да никто, – вышла я из себя, – говори быстро, где Николай?

– Не знаю.

– Хозяин кто?

– Где?

– Здесь!

– Тут?

– Нет, – заорала я, – не тут, не там, а в этой квартире. Чья она?

– Черт ее знает, – серьезно ответил парень.

– А ты кто?

– Я?

– Ты!

– Костя.

От злости я чуть не треснула его по голове валявшимся на полу зонтиком. Надо же так вчера напиться!

– Котька, – донесся из комнаты слабый голос, – кто там?

– Не знаю, – ответил юноша и уточнил: – Она бутылку принесла.

– Благодетельница, – прохрипел бас.

Я отодвинула Костю плечом, решительно вошла в комнату и приказала:

– Отвечайте немедленно, кто из вас, уродов, Рагозин?

Несколько тел, лежащих в немислимых позах, лениво зашевелились. Похоже, вчера тут выпивка лилась рекой. На большом обеденном столе высилась гора посуды. Гостей угощали колбасой и чипсами. Несколько банок из-под рыбных консервов щетинились окурками, и запах в помещении стоял соответственный: немислимый «букет» из ароматов вы-

питого спиртного, сигаретных «бычков» и чего-то кислого, тошнотворно противного.

Двое парней, не сумевших снять одежду, ничком лежали на засаленной софе. Еще один, неудобно подвернув ноги и уместив голову на подлокотнике, дрых в широком кресле. В углу, между комодом и тумбочкой, валялось клочкастое ватное одеяло, на котором раскинулось несколько тел, все в одежде и даже в обуви. Между пьянчугами, развалившись на спине и растопырив в разные стороны все четыре лапы, храпел тощий, ободранный кот. Когда-то белый, мех животного сейчас напоминал весенний снег – кое-где желтый, на спине серый, а ближе к голове отчего-то красный. Приглядевшись, я поняла, что шея котяры перемазана кетчупом. Очевидно, кто-то из гостей использовал его вместо салфетки.

– Ребята, – заорал Костя, – бутылевский приехал.

Пейзаж оживился. Парни, спящие на диване, сели. Один из них тонкой маленькой ручкой принялся копать в коротко стриженной голове. Я заметила темно-синий лак на ногтях и сообразила, что он – девушка. Впрочем, дамы отыскались и на одеяле, целых две сразу. Они попытались встать, но потерпели неудачу, и теперь просто смотрели на меня похожими на пуговицы глазами.

– Так кто из вас Рагозин, господа?

– Здесь нет такого, – с уверенностью произнес юноша, сидевший на диване.

– А вы кто?

Оказалось, студенты МАДИ, отмечающие успешно сданную сессию.

– Странно, – пробормотала я, – куда же Николай подевался?

– А вы у хозяйки спросите, – посоветовала одна из девочек, – она живет в соседнем доме, я у нее снимаю.

Ситуация прояснилась, и, отдав студентам «Гжелку», я пошла по новому адресу. На этот раз – в странное трехэтажное здание из красного кирпича. Этот дом выглядел внутри намного приличней. Лифта, правда, не было, зато лестничная клетка чисто вымыта, а двери квартир обиты одинаковым зеленым дерматином, очевидно, жильцы обратились разом в одну фирму.

Квартира, куда меня впустили, ничем не напоминала «лежбище» молодых алкоголиков. Аккуратная комната с простой, но явно новой мебелью, чисто вымытый пол и большой телевизор «Панасоник», накрытый для пущей красоты самовязаной кружевной салфеткой. Внушала доверие и хозяйка, маленькая старушка в теплом байковом халатике и хорошеньких тапочках в виде тигрят.

– Вы по поводу квартиры? – спросила она.

– В общем, да, – весьма обтекаемо ответила я.

– Садитесь, дорогая, – обрадовалась бабуся и радушно предложила: – Хотите чайку?

– С удовольствием, – пробормотала я.

Хозяйка взяла с буфета крохотный чайничек и с удовле-

творением отметила:

– Совсем свежий, только вчера заваривала.

Затем она капнула пару капель желтоватой водички в огромную кружку с надписью «Маша» и щедро долила доверху кипятком. Получившаяся жидкость нежно-лимонного цвета напоминала напиток «Буратино» времен моего детства.

– В квартире пока живут, – принялась объяснять хозяйка, – но скоро съезжают, первого февраля деньги принесут, и я откажу им.

– Почему?

– Шумят очень, – вздохнула старушка, – соседи недовольны, грозят в налоговую инспекцию пожаловаться.

– Да, неприятно, – согласилась я.

– Меня зовут Марья Сергеевна, – церемонно представилась бабуся.

– Евлампия Андреевна, – улыбнулась я в ответ.

– Очень приятно, – ответила хозяйка и добавила: – Уж не обессудьте, но, когда договариваться начнем, паспорт принесите, а то меня уже один раз обманули.

– Да?

– Вот вам и да, – неожиданно резко ответила старушка, – неужто б сдала квартиру студентам, тьфу!

– Как же так получилось? – изобразила я интерес.

– Говорю же, обманули, – пустилась в объяснения Марья Сергеевна. – Пришла женщина, вроде вас, тоже по объявле-

нию...

Я внимательно слушала путаную речь, пытаюсь сообразить, что к чему. Марья Сергеевна всю жизнь прожила вместе с мужем в отличной трехкомнатной квартире, причем не где-нибудь, а на Старом Арбате. Потом супруг скончался, началась перестройка, сбережения пропали, а детей, способных содержать ее, у нее не было. Оставалось одно – продавать у метро сигареты. Спасибо, лучшая подруга надоумила, пришла в гости, посмотрела со вздохом на необъятные хоромы и сказала:

– Зачем тебе, Маша, такая квартира? Продай ее побыстрее да купи две. Одну сдавать станешь и жить припеваючи.

Марья Сергеевна послушалась и до сих пор не нарадуется. Из арбатской квартиры получилось не две, а три новых, правда, на окраине. Но Марья Сергеевна – пенсионерка, на работу ей не ездить... Кстати, жизнь в спальном районе нравится старушке больше, чем в центре. Летом никакой дачи не надо, в двух шагах изумительный лесопарк, а с продуктами теперь везде хорошо!

На деньги, вырученные от сдачи квартир, Марья Сергеевна как сыр в масле катается, не отказывая себе практически ни в чем. Купила телевизор и даже обзавелась турецкой дубленкой. Правда, иногда случаются неприятности. Жильцы, к сожалению, попадают разные. К каждому в душу не залезешь. Так произошло с квартирой в восемнадцатом доме. Договариваться о съеме пришла вполне приличная дама, и

на самом деле она жила одно время тихо и мирно. Потом съехала, а на снятую жилплощадь вселила свою дочь, девушку наглуую, развязную и настоящую безобразницу. В квартире просто Содом и Гоморра, идолово капище! Соседи стонут, и Марья Сергеевна развесила вновь объявления, правда, деньги, слава богу, они платят аккуратно и...

– Женщину как зовут? – ухитрилась я вклиниться в бесконечные старушечьи речи.

Бабуся открыла записную книжку, отыскала нужную страничку и сообщила:

– Анна Константиновна Колосова.

– Телефон есть?

– А как же, я всегда записываю, разве можно...

Последовал новый виток сентенций, но в конце концов в моих руках оказалась бумажка с цифрами. Но уйти сразу мне не удалось, пришлось просидеть еще около часа, выслушивая рассказы.

Номер начинался с цифр 344, значит, неизвестная Анна Константиновна живет, скорее всего, в районе метро «Домодедовская», а я как раз подъеду сейчас к этой станции на маршрутке. Но радость оказалась преждевременной. Трубку никто не снимал. На двадцатом гудке я со вздохом опустила ее на рычаг. День в самом разгаре, небось дама на работе. Делать нечего, поеду домой.

В квартиру я вползла с сумками наперевес. В правой руке крайне осторожно я держала пакет с яйцами. Собаки бросились к моим ногам.

– Тише, тише, девочки, – попробовала я их успокоить, – не толкайтесь.

Но Муля, пришедшая в полный восторг при виде хозяйки, пыталась подпрыгнуть повыше. Ада не отставала от сестрицы. Сначала мопсихи просто сопели, потом зарычали.

– А ну, цыц! – прикрикнула я, но поздно.

Ада, желая первой прижаться к моим коленям, отпихнула жирным боком менее поворотливую подругу. Муля обиделась и прищемила зубами ухо соперницы. В следующее мгновение они повисли на пакете, ручки оторвались, раздался сухой треск... По полу начала медленно растекаться бело-желтая лужа. Да, не везет нам последнее время с яйцами, из этих даже омлета не сделаешь!

Глава 6

Вечером я вытянулась на диване и попробовала собраться с мыслями. Наверное, Анна Константиновна Колосова в курсе, где искать Рагозина. Скорей всего, он ее любовник или муж. Словоохотливая Марья Сергеевна сообщила, что никогда не сдает квартиры лицам мужского пола и одиноким дамам.

– Не доверяю им, – вздыхала старушка, – напьются, закурят в постели, и сгорит жилплощадь.

Вот только странно, что Анна Сергеевна не отвечает на телефонные звонки. Я набралась хамства и набрала номер последний раз около полуночи. Хотя, может, она работает сутками, или аппарат сломан, в конце концов, могла не заплатить вовремя, и телефон отключили.

Ладно, утро вечера мудренее. Сейчас сунем под голову доллары... Кстати, где подушка? Я села, глаза обшарили диван. Симпатичная темно-бордовая думочка из искусственного бархата исчезла. Я похолодела. Тридцать тысяч долларов!

– Юля! – завопила я, чувствуя, что теряю сознание. – Юля!

– Что случилось? – спросила та, всовывая голову в комнату. – Чего кричишь, все спят давно!

– Где моя подушка?

– Господи, – пробурчала она, пролезая в спальню целиком и с видимым трудом втаскивая загипсованную ногу, – только-только глаза сомкнула. А тут вопль нечеловеческий! Да вот подушка, смотри, под спиной!

– Не та, – прошептала я, – та бордовая, велюровая, на наволочке кошка выткана.

– Понятия не имею, – фыркнула Юля.

– Я купила ее в декабре у метро за тридцать пять рублей, – шелестела я.

– Дел-то, – фыркнула Юля, – купи еще одну – и конец!

Я только разевала рот, словно выброшенная на берег рыба.

– Не понимаю, – продолжала возмущаться она, – из-за бабахляной думки поднять ор!

Посидев минут пять на диване, я сползла на пол, нашла тапки и пошла бродить по комнатам. Кирюшка мирным образом спал. Под головой у него лежала лишь маленькая подушка, беленькая, в розовой наволочке. В детской клубилось невероятное количество вещей – книги, одежда, дискеты... Невыключенный компьютер мерцал «звездным небом», на клавиатуре высился ворох фантиков, и все было засыпано крошками от чипсов. Но подушечки с кошкой не было. Не нашлась она и у Сережки в спальне, Юлечка из-за больной ноги сейчас спит отдельно, и я не стала соваться в «гостевую» комнату.

У Кати тускло мерцал ночник. Она отложила толстый том

«Патологии щитовидной железы» и поинтересовалась:

– Что случилось?

– Ничего, – быстро заверила я, окидывая взглядом помещение, – вот подушечку свою ищу, без нее не могу заснуть, низко.

– Возьми эту, – предложила Катя и показала на кресло.

– Нет, – покачала я головой, – хочу ту, с кошкой.

– Извини, я ее отдала.

– Кому? – помертвевшими губами спросила я. – Зачем?

– Нине из соседней квартиры. К ней гости обвалились, да не один человек, а сразу четверо. Вот она и попросила подушку взаймы.

Я ринулась на лестничную клетку. Нина очень милая женщина, и мы частенько пьем друг у друга чай. Еще я всегда одалживаю у нее соль, сахар и муку, а она бегает к Катюше с разными медицинскими проблемами. Сын Нины, Вадик, учится с Кирюшкой в одном классе, и это нас очень сблизило.

– Лампа? – удивилась Нина, распахивая дверь, но потом хорошее воспитание взяло верх, и она спросила: – Хочешь чаю?

Но мне было не до китайских церемоний.

– Где моя подушка?

– Какая?

– Велюровая, с кошкой.

– У Владьки под головой, видишь ли, тут такой форс-ма-

жор приключился, – зашептала Ниночка.

Но я не стала слушать и ткнула ей в руки мягкий, набитый пухом мешок.

– Возьми эту, отдай ту.

– Но они одинаковые по размеру...

– Отдай, не могу заснуть!

Ниночка пожала плечами и принесла требуемое. Я почувствовала, как разжимается невидимая «рука», стискивающая желудок.

– Вот, – хихикнула Ниночка, – получи свою подушку, и впрямь хороша, кошка хоть куда.

Честно говоря, киска и впрямь была очаровательной. На темно-бордовом велюре выделялось полосатое рыже-белое тельце. Горло Мурки украшал яркий оранжевый бант.

– Давай, – выхватила я у Нины из рук сокровище.

Соседка хмыкнула и спросила:

– Слышь, Лампудель, мне Катерина еще одеяло дала, ватное, синее, тоже заберешь?

– Зачем?

– Ну, может, ты без него глаз сомкнуть не можешь, – откровенно издевалась Ниночка.

Ничего не ответив, с гордо поднятым носом я вернулась к себе и улеглась, засунув «киску» под голову.

Утром, когда домашние мирно пили кофе, я выползла на кухню и сообщила:

– Кто тронет эту подушку – убью!

– Почему? – изумилась Юля.

– Я могу спать только на ней, иначе мигрень начинается.

– Предупредила бы сразу, – вздохнула Катя и понеслась в прихожую.

Минут десять все толкались в поисках курток, обуви и перчаток. Наконец они ушли, и через секунду во дворе запыкали сигнализациями машины. Если я чего и не понимаю, так это зачем ставить охранные устройства на наши автомобили. У Сережки белый «Форд» 1978 года выпуска. Задние двери распахиваются с трудом, а передние, наоборот, отходят при каждом удобном случае, еще регулярно отваливается глушитель, а багажник открывается, только если его предварительно треснуть кулаком по крышке. У Катюши старая «копейка» с абсолютно ржавыми крыльями и отвалившимся бампером, руль у этого, с позволения сказать, автомобиля ходит не только по кругу, но еще и вверх-вниз, словно штурвал у истребителя, и опять же беда с глушителем. Юля в декабре тоже купила себе кабриолет.

– Надоело ругаться с Сережкой, – объяснила она, – проси его вечно отвезти, лучше иметь свой.

Теперь наш автопарк украсился «Мерседесом», сделанным в 1980-м. «Мой персик» – любовно зовет колымагу Юлечка. Машина и впрямь имеет цвет этого сочного фрукта. Ездит красавец на дизельном топливе, жутко воняет и тахтит, но новоявленная автомобилистка очень горда и совершенно счастлива. Незадолго до случая с ногой она пред-

ложила мне:

– Давай, Лампа, поехали на рынок!

Честно говоря, я побаиваюсь ездить с домашними, все время жду, что автомобили развалятся на ходу. Поэтому предпочитаю передвигаться на общественном транспорте.

– Не надо, дома все есть!

– Ерунда, – отрезала Юля, – купим впрок овощей: картошку, капусту, лук. Пользуйся, пока у меня время свободное.

– Отдохни лучше, – попыталась ускользнуть я, – почитай книжечку, телик посмотри, я чудно на «Автолайне» съезжу.

– Глупости, – фыркнула Юля и велела: – Бери сумки и спускайся.

Поняв, что легче согласиться, чем спорить, я покорно подхватила авоськи и села в «Персик». Первые несколько минут все шло прекрасно, но тут Юлечка щелкнула каким-то рычажком, и из-под капота раздался жуткий, леденящий душу стон.

– Что это? – спросила я, холодея от ужаса. – Что?

Как ни в чем не бывало накручивая баранку, Юлечка преспокойно пояснила:

– Мышь попала в вентилятор!

– Кто?

– У меня под капотом мышинное гнездо, – пояснила Юля, – иногда кто-нибудь из грызунов и попадает под лопасть.

– Ужас!

– И не говори, потом трупы убирать приходится.

– Немедленно останови, – приказала я, чувствуя, как к горлу подбирается тошнота.

– Зачем? – удивилась Юлька, но затормозила.

– Сейчас же открой капот и выгони несчастных животных!

– Что ты, – замахала руками Юля, – на дворе минус двадцать, замерзнут, бедняги!

– А так погибнут в муках!

Внезапно она уткнулась лицом в баранку и принялась хотать.

– Ну и что тут смешного? – возмутилась я.

– Ох, Лампец, – бормотала наша журналистка, вытирая выступившие слезы. – Ну нельзя же быть такой доверчивой!

– Ты хочешь сказать...

– Посуди сама, откуда в машине возьмутся мыши, да еще в моторе!

– А стон?!

– Я печку включила, она холодная, вот и воет, смотри.

И Юля, плавно тронувшись с места, опять щелкнула чем-то. Вновь по салону разнесся невероятный, полный смертельной муки крик.

– Часто она так? – спросила я, поеживаясь.

– Каждый раз, пока не согреется.

Слушая непрекращающийся, рвущий душу стон, я приняла твердое решение: в следующий раз на рынок – только

пешком. Лучше тащить на себе двадцать килограммов, чем леденеть от ужаса.

* * *

Дождавшись тишины, я утащила трубку к себе в комнату и принялась звонить. На этот раз Колосова откликнулась моментально:

– Алло.

– Извините, мы не знакомы, но мне очень нужно найти Рагозина Николая Федоровича.

Анна Константиновна помолчала. Потом поинтересовалась:

– Кто вы? Представьтесь.

– Евлампия Андреевна Романова.

– Мне это ни о чем не говорит, – сухо сказала дама. – Зачем вам Рагозин?

– Трудно объяснить, но очень нужен!

– Приезжайте, – коротко сообщила дама и продиктовала адрес.

Анна Константиновна походила на сельскую учительницу. Простое, круглое русское лицо с бесформенным носом. Возраст дамы определялся с трудом: то ли хорошо выглядящая пятидесятилетняя тетка, то ли рано состарившаяся девушка. На голове – дурацкая химическая завивка, та самая, когда волосы начинают походить на шерсть больного бара-

на. Брови неаккуратными дорожками спускаются к вискам, к ним явно никогда не подбирались с пинцетом. Кожа на лице тусклая и будто грязноватая, а фигура напоминает мешок, набитый мукой.

– Раздевайтесь, – холодно велела хозяйка.

Я повесила куртку на крохотной вешалке и вошла в комнату. Из груди вырвался вздох удивления. На столе стояли сразу два компьютера, чуть поодаль принтер, факс и еще куча каких-то приборов, мигающих разноцветными лампочками.

– Так зачем вам нужен Николай?

Поколебавшись секунду, я выдала душераздирающую историю. Лежала в больнице вместе с Настей Звягинцевой. Та скоропостижно скончалась, оставив письмо, которое нужно передать Рагозину. На конверте указан адрес: Мирославская улица, но там проживают какие-то студенты...

Анна Константиновна тяжело вздохнула:

– Значит, Настя умерла! Много горя принесла она Коленке...

– Почему?

Колосова повертела в руках зажигалку, потом вытащила коробочку «Золотой Явы» и сообщила:

– Они учились вместе в институте. Николаша был влюблен в нее, словно подросток. Просто сох, таскал букеты, конфеты.

Но Звягинцеву кавалер не интересовал. Тогда Николай

решил стать лучшим другом Насти и в этом амплуа весьма преуспел. Настенька держала парня за душевную подружку, советовалась с ним по поводу одежды и макияжа, таскала с собой по магазинам. Коля покорно носил сумки, варил кофе, утешал подругу...

У Насти не было никаких родственников, кроме старенькой бабушки, маленькой, тихой, как мышка, старушки. Родители девушки увлекались горными лыжами, и их накрыло лавиной, когда ей не исполнилось и двух лет.

– Разве у нее не было брата? – изумилась я.

Анна Константиновна пожала плечами.

– Точно не знаю, ведь я никогда не знакомилась с этой мадемуазель.

Настенька все никак не выходила замуж, ждала принца на белом коне. Материально она была обеспечена, очевидно, остались какие-то семейные ценности, да еще огромная шестикомнатная квартира на суперпрестижной улице Алексея Толстого.

После окончания института девушка стала работать, похоронила бабушку и полностью отдалась любимому делу. Коля по-прежнему «стоял за спиной», втайне надеясь, что подруга наконец заметит его верность. Однако вышло по-иному.

– Кем она работала? – не удержалась я.

– В журнале «Искусство эстрады», – пояснила Колосова. – Разве я не сказала, что они с Николашей учились на факуль-

тете журналистики МГУ?

Короче говоря, по долгу службы Настенька частенько посещала концерты и разнообразные шоу-мероприятия, не упускала возможности заглянуть на презентации и тусовки, справедливо полагая, что вне кулис кумиры более приветливы и общительны. Звягинцева часто и много писала, была доброжелательна, в основном хвалила певцов и музыкантов, поэтому ее любили.

На одной из таких презентаций она и нашла своего принца – двадцатичетырехлетнего Олега Скотинина. Фамилия у парня, прямо скажем, не слишком благозвучная, поэтому на афишах он печатался как Лео Ско.

Олег прибыл покорять столицу из какого-то провинциального городка, причем не один, а с мамой. Согласитесь, немного странный поступок для отвязного певца, а Лео Ско был абсолютно невероятной оторвой как внешне, так и внутренне. Мама его – благообразная дама лет пятидесяти, наоборот, выглядела старомодно и как-то очень добропорядочно. Она никогда не посещала шумные тусовки, но всегда сидела за кулисами во время концертов, и артисты привыкли к ее высокой сухопарой фигуре, облаченной в немислимые юбки «бочонком» и вытянутые акриловые кофты. Но, несмотря на простецкий вид, у Натальи Андреевны Скотининой явно водилась тугая копеечка, потому что Лео снял три клипа, появился на экране телевизора и регулярно звучал по радио. Обожала мама сына страстно и ничего для него

не жалела.

Когда у Насти и Олега разгорелся страстный роман, некоторые актрисочки предупреждали симпатичную журналистку:

– Слышь, Настена, лучше не связывайся с этим кадром. Прикинь, какая свекровь тебе достанется, да она с вами третьей в койку ляжет.

Но неожиданно для всех Наталья Андреевна повела себя по-иному. Каждому знакомому она твердила:

– Настенька – сокровище. Именно о такой невестке я мечтала всегда: красавица, умница, славная пара Олежеку.

Анна Константиновна замолчала.

– А дальше что? – поторопила ее я.

– Ничего, – пожала плечами рассказчица, – Настя бросила работу, осела дома, с Колей она больше не созванивалась, чему я была очень рада.

– Почему?

– Видите ли, – спокойно пояснила Колосова, – мы с Николаем поженились, и, честно говоря, мне не слишком нравилось, когда сия особа трезвонила и требовала от него немедленно мчаться к ней. Кстати, извините, я не представилась.

И она протянула визитную карточку. Я машинально пробежала глазами по тексту. «Доктор физмат наук, профессор академии менеджмента и экономики...» Вот тебе и сельская учительница!

– Вы догадались, что я намного старше Николая? – сурово

поинтересовалась Колосова.

– Да.

– Отношения у нас сложились скорее дружеские, – вздохнула она, – с моей стороны материнские, но я искренне любила Николая, а Настю терпеть не могла. Поэтому очень радовалась, когда та, выйдя замуж, исчезла из поля зрения.

– Так где найти Рагозина?

– Понятия не имею.

– Как, – возмутилась я, – вы только что говорили, будто являетесь его женой!

– Мы развелись.

– Когда?

– Два года назад. Поэтому я и сняла квартиру на Мирославской. Николаша съехал туда, но потом исчез.

– Как?

– Просто позвонил один раз и сообщил, что уезжает.

– Куда?

– Он не стал уточнять. Буркнул в трубку: «Квартира свободна, пользуйся». Ну я и вселила туда свою племянницу, зачем жилплощади пустовать, раз оплачена!

– И вы не знаете, где он живет?

– Нет!

– Господи, – вырвалось из моей груди, – что же делать с письмом!

– Ничего, – злорадно откликнулась Колосова, – разорвать и выбросить. Раз Звягинцева умерла, ей уже все равно.

– Ну что вы, – забормотала я, – надо найти Рагозина.

– Ищите, – хмыкнула Колосова, – только не с моей помощью.

– А где он работал? – попыталась я подобраться к неприступной крепости с другой стороны.

– Понятия не имею, – отчеканила Колосова.

– Вы не знаете место службы мужа?

– Мы разведены.

– Хорошо, а где он работал, когда вы состояли в браке?

– Запомню, – откровенно ухмыльнулась собеседница и заявила: – Извините, более не могу вести беседу, на работу пора.

Подталкиваемая нелюбезной хозяйкой в спину, я выбралась в коридор и уже на пороге попросила:

– Может, припомните координаты Николая. Неужели вам не жаль покойную?

– Ни капельки, – тряхнула «химией» математик и вытолкала меня на лестничную клетку. Подобной сокрушительной неудачи со мной еще ни разу не случалось.

Глава 7

Горе я заливала отвратительным кофе в ближайшем кафе. В придачу мне достался твердокаменный рулет с непонятной плодово-ягодной начинкой, гаже подобного кондитерского изделия были разве только польские кексы «Киви». Но мне, по большому счету, было наплевать на качество еды, в голове роем жужжали мысли, и главная среди них: где искать Рагозина?

Поразмышляв, я решила отправиться на факультет журналистики МГУ. Может, там кто припомнит бывшего студента?!

Кузница кадров для газет, радио и телевидения находится в самом центре. Окна желтого старинного дома глядят прямо на Кремль. Во дворе ползало по снегу несколько студентов. Заинтересовавшись, я не удержалась:

– Что ищете?

– Зачетки, – коротко пояснила востроносенькая девчонка.

– Зачетные книжки?!

– Угу.

Не успела я спросить, каким образом документы оказались в сугробе, как на втором этаже старинного здания распахнулась форточка, и несколько синих книжечек камнем полетели вниз.

– Вот зараза, – вздохнул кудрявый парень, подхватывая

одну.

– Кто?

– Раиса Михайловна Бучборская, историю мировой литературы преподает. Такая злая, если что не так, вышвыривает зачетки в окно, да еще приговаривает: «Если нет ума, займись физической подготовкой».

– Да уж, не повезло вам, – ухмыльнулась я.

– Старая ведь совсем, – сокрушался студент, отряхивая джинсы, – лет сто, не меньше.

– У нас тоже в консерватории похожая была, – поделилась я печальным опытом, – все забывала, фамилии путала, мрак!

– Ха, – выкрикнул юноша, – наша обладает памятью слона. Не поверите, являешься к ней зимой, окинет взглядом и процедит: «Вроде прошлым летом ты не мог описать щит Ахилла, ну, давай, сейчас отвечай!» Помнит всех выпускников по именам, просто эпилептик!

Он еще долго пыхтел и жаловался, но я уже входила в просторный холл. Раз у дамы столь великолепная память, к ней и обратимся.

В далекие времена, когда строилось здание Московского университета, которое сейчас называют «старым», денег не жалели, а уж площади под застройку жалели и того меньше. Факультет журналистики поражал размерами. Огромная мраморная лестница, широченные коридоры, невероятной высоты окна и двери. Но вся эта былая красота выглядела грязной и обшарпанной. Тут явно давно не делали ремонт.

Сунувшись в дверь с табличкой «Учебная часть», я поинтересовалась:

– Бучборская в какой аудитории принимает экзамен?

Толстеньякая девица в старомодных круглых очках оторвалась от газеты и весело сообщила:

– Раиса Михайловна готовит из студентов шашлык в 209-й. Если есть возможность, приходите к ней лучше в другой раз, сегодня она в особом ударе.

Поблагодарив добрую инспекторшу, я пошла по коридору, разглядывая двери.

209-я комната оказалась не слишком большим помещением, заставленным покалеченными и щербатыми стульями. У окна, гордо выпрямив спину, стояла лицом к окну молодая стройная черноволосая женщина в элегантном деловом костюме.

– Простите, – спросила я, – где Раиса Михайловна Бучборская?

– Слушаю вас внимательно, – отчеканила девушка и обернулась.

Я потеряла дар речи. Девичье тело с тонкой талией, высокой грудью и стройной шеей венчала голова глубокой старухи. Щеки, лоб и даже подбородок избороздили морщины, глаза запали, а рот превратился в нитку. Но голос – звонкий, совершенно молодой. Интересно, как ей удалось сохранить такую фигуру? Может, целыми днями из тренажерного зала не вылезает?

Дама сделала несколько шагов вперед и резко добавила:

– Ну? Какая группа? Что-то я вас не припоминаю.

Я уставилась на ее элегантные черные лодочки с десятисантиметровой шпилькой и проблеяла:

– Я не хочу сдавать экзамен.

– Тогда зачем явились? – нахмурилась Бучборская и резко села.

– Вы не знали случайно студента по фамилии Рагозин?

– Колю? Конечно, помню, очень достойный молодой человек, в отличие от большинства, читал «Илиаду» и «Одиссею» не в кратком пересказе, а полный текст. Я всегда ставила ему заслуженную четверку.

– Отчего не пять? – выпалила я.

Раиса Михайловна вытащила мундштук, вставила в него тоненькую коричневую сигарку и преспокойно заявила:

– Данный предмет на «отлично» знает лишь преподаватель, остальным дай бог достичь порога «удовлетворительно».

– Вы не в курсе случайно, куда он устроился после МГУ на работу?

– Вам это зачем? – поинтересовалась Бучборская.

Пришлось вновь рассказывать про больницу, смерть Насти и письмо.

– Звягинцева, – вздохнула преподавательница, – абсолютно глупое существо, без царя в голове! По восемь, девять заходов ко мне в каждую сессию делала, училась отвратитель-

но, в мыслях только одни наряды да парикмахерские, а Николаша везде за ней ходил, словно верный паж. Очень неподходящая пара.

– Вы знаете, где он работал?

Раиса Михайловна вздохнула:

– Николая крайне интересовала религия, сначала он пристроился в журнал «Наука и религия». Но года два назад случайно я столкнулась с ним в консерватории, и Рагозин радостно так сообщил, что ушел в ежемесячник «Вера». Казался очень, ну просто очень довольным.

– Я не видела это издание в продаже...

– Я тоже, – усмехнулась Бучборская, – небось тираж малюсенький, но Коля сиял, когда рассказывал о работе.

– Интересно, где находится редакция...

– Дорогая, – высокомерно ответила дама, – для подобных случаев существуют справочники.

Чувствуя себя неразумной студенткой, сморозившей глупость, я быстренько попрощалась и выскочила в коридор.

Часы показывали около пяти. Небось в редакции все сотрудники уже разбегаются по домам, к тому же я не знаю адреса. Спустившись в метро, я купила на лотке тоненькую книжонку «Московские газеты и журналы». Издания шли не по алфавиту, а, очевидно, по рейтингу, во всяком случае, список открывал не «Алфавит», а «Мегаполис». «Вера» заключала список – улица Конюшенкова. Интересно, где она находится? Первый раз слышу про такую. Просидев пару ми-

нут на скамейке, я решила ехать домой и втиснулась в битком набитый вагон. Равнодушная толпа протолкнула меня вглубь, к закрытым дверям. Кое-как устроившись, я со вздохом попробовала вытащить из кармана детектив, но в это время нечто твердое довольно больно ткнуло меня в бок. Я посмотрела в сторону и увидела девочку лет тринадцати в серебряном пуховике и смешной вязаной шапочке с двухцветными косичками.

– Простите, – вежливо пробормотал ребенок, – вагон дернулся, вот я вас и задела книгой.

Я перевела взгляд ниже. Красивой рукой с зелеными ногтями подросток держал потрепанный учебник по алгебре.

– Неужели в такой обстановке можно что-либо выучить?

– Времени совсем нет, – по-взрослому вздохнула девочка, – а завтра контрольная, неохота Милочку расстраивать, она жутко переживает, когда приходится тройки ставить!

– Кто?

– Наша учительница по математике, Людмила Геннадиевна, мы ее Милочкой зовем.

Я внимательно посмотрела на собеседницу. В Кирюшкиной школе училка по алгебре носит славное прозвище «злой карлик».

– Она и впрямь милая?

– Конечно, – бесхитростно поддержала разговор школьница, – у нас все душки.

– Все равно лучше дома читать.

– Так два часа ехать, – вздохнула девочка, – чего время зря терять. Я живу в Бибирево, а школа на Тверской, в Дегтярном переулке.

– Неужели ближе не нашлось учебного заведения?

– Такое на всю Москву одно, к нам даже из области ездят.

– Чем же твоя школа так хороша?

– У нас учителя – люди, а в других местах – гады, – спокойно пояснила девчужка. – На нас не орут, не ставят двоек и объясняют хорошо, доходчиво и подробно.

– Небось дорогой колледж, – вздохнула я с завистью.

– Что вы, – рассмеялась девчонка, – моим родителям платную не потянуть! Самая обычная школа ь1113, государственная, просто там сволочи не приживаются, была одна, так ушла.

– Ну-ка, скажи еще раз адрес, – попросила я.

– Дегтярный переулок, прямо под гостиницей «Минск», – вежливо ответила девочка и принялась проталкиваться к выходу.

На следующее утро, едва стрелки часов подобрались к цифре девять, я вошла в просторный холл школы. Довольно полная, пожилая гардеробщица, сдвинув на кончик носа очки, пришивала вешалку на черную куртку. Увидав меня, она улыбнулась.

– Вот ведь поросята, не снимают куртки, а сдергивают, вешалки рвут и бегут потом: «Тетя Надя, пришей, мама ругаться будет». Так и шью всю смену. – И она вновь улыбнулась.

– Скажите, а где директор?

– Ступайте на второй этаж.

Я поднялась по крутой лестнице наверх. Небось директриса на уроке, но она оказалась на месте. Целый час я самыми черными красками описывала Кириюшкину судьбу. Наконец Татьяна Алексеевна вздохнула:

– Ладно, уговорили, хотя и не положено в середине года, но парнишке надо помочь. Идите в 39-й кабинет, там учительница математики, Милочка, то есть Людмила Геннадьевна, скажите – я послала. К ней в класс и пойдет ваш пострел.

К трем часам дня я уладила все формальности. Написала заявление о приеме, забрала из старой школы документы, привезла их в новую и побродила по широким коридорам. Из классных комнат не доносилось истерических криков, а во время перемены галдящая детская толпа не дралась и не ругалась, наверное, в этой школе скандалы не в чести.

Окрыленная успехом, в четыре часа я входила в редакцию журнала «Вера». Вернее, редакции как таковой не было. Сотрудники занимали всего три небольшие комнатки в старом, явно ожидающемся сноса четырехэтажном здании. Толкнув первую дверь, я тихонько спросила:

– Где можно найти Рагозина?

– Не знаю, – ответила женщина в бордовом костюме.

– Колю? – поинтересовался парень, одетый не по сезону в белые джинсы.

– Да, – обрадовалась я.

– Он уволился, в другое место перешел.

– Куда?

Парень пожал плечами:

– Понятия не имею.

– Кто-нибудь знает?

– Может, Валя? – предположила женщина.

– Точно, – щелкнул юноша пальцами, – идите в соседний кабинет и спросите Титову.

Я послушно дернула другую дверь. В крохотном пятиметровом пространстве еле-еле уместилось два не слишком больших стола и парочка простых стульев. Место справа пустовало, слева правила гранки худошавая девушка со старомодным пучком на затылке. Компьютера не было, сотрудница действовала по старинке, вычеркивая шариковой ручкой ошибки.

– Вы Валентина Титова?

Девушка подняла ненакрашенные глаза и губами без признаков помады коротко ответила:

– Да.

– Хочу видеть Николая Рагозина, скажите...

– Зачем? – перебила Валя.

Выслушав историю про письмо, она открыла ящик, вытащила сигареты и сообщила:

– Колю не ищите, его нет.

– Как – нет, – испугалась я, – умер?

– Считайте, что скончался.

– Не понимаю...

Валя зачиркала зажигалкой и сухо произнесла:

– В этом мире его нет!

Я расстегнула куртку, бесцеремонно протиснулась в кабинет, плюхнулась на свободный стул и заявила:

– Никак в толк не возьму, о чем вы говорите.

Титова закашлялась. Я терпеливо ждала, пока Валентина утихла, вытерла выступившие слезы, трубно высморкалась и сообщила:

– Коля удалился от мира, ушел в монастырь.

– Куда? – ахнула я.

– В монастырь, – повторила Титова, – монах он теперь.

Всегда был ненормальный, посты держал, праздники соблюдал, на работу частенько опаздывал. Его наш главный начнет ругать, а Николаша глазки в пол и лепечет: «Простите, на литургию ходил».

Одно слово – блаженный. Домой едет – всем нищим подаст. Сколько раз я над ним смеялась и говорила:

– Эти, «люди неместные», богаче тебя в сто раз, бизнес у них такой – нас жалобить.

Но Коля только качал головой.

– Господь велел делиться.

Дальше – больше. Николай принялся отдавать страждущим все, что имел – одежду, деньги, еду.

– Мне много не надо, – бормотал он, – две пары башмаков сразу не наденешь и две шапки тоже.

Потом он отпустил бороду с усами, перестал стричь волосы, пользоваться одеколоном и дезодорантом. А год тому назад ушел в монастырь.

– Адрес знаете?

Валентина вытащила растрепанную телефонную книжку и забормотала:

– Где-то был, ага, вот оно. Казакино!

– Что?

– Городок такой, Казакино.

– Это по какой дороге?

– Понятия не имею, – отрезала Титова и добавила: – Я даже не знаю, там ли он!

Домой я вернулась расстроенная. Монастырь! Неужели в наше время еще кто-то прячется от мира за крепкими стенами, чтобы проводить дни в молитвах?

– Принесла вкусенького? – поинтересовалась Юля.

– Что ты имеешь в виду? – спросила я, аккуратно укладывая на стул у входа пакет с яйцами.

– Ну тортик или кекс...

– Нет, ничего сладкого, но если хочешь, сейчас испеку пирог, яйца есть, мука тоже...

Но не успела я закончить фразу, как Муля, полная радости и не знающая, куда деваться от счастья при виде любимой хозяйки, подпрыгнула и со всего размаха плюхнулась на стул. Мешочек, набитый яйцами, жалобно хрустнул. Желтая жижа потекла на пол. Мопсица, недоумевающая, подняла лапу и

поглядела на нее.

Прибжавшие Ада и Рейчел не растерялись и принялись бодро слизывать «омлет».

– Уйди с глаз долой, – вскипела я.

Мопсixa обиженно засопела и прыгнула вниз.

– Надо ей вымыть лапы и брюхо, – вздохнула Юля и крикнула: – Мулька, топай в ванную!

Я безнадежно посмотрела на пакет. Может, нам вообще не покупать яиц? А то последнее время они дальше прихожей не попадают.

Подхватив оставшиеся сумки, я втащила их на кухню и принялась рассовывать продукты. В ту же секунду из коридора донесся бодрый голос Сережки:

– Кушать дадут? Надеюсь, на ужин будут котлеты!

Великолепно зная, что сейчас произойдет, я заорала как ненормальная:

– Нет, стой! – и вылетела в прихожую.

Но поздно. Со словами: «Как нет? У нас нечего поесть?» – Сережа со всего размаха сел на стул.

Раздался треск, это раздавились чудом уцелевшие несколько яиц.

– Идиот! – в сердцах воскликнула я.

– Что я сделал-то? – изумился он и встал.

Желтые капли стекли на пол.

– Что это? – еще больше изумился парень.

– Яйца, – коротко ответила я.

– Яйца? Чьи?

– Куриные. Лежали на стуле, сначала Муля прыгнула, а потом ты сел!

– Так это не я идиот, а вы дурынды, – заявил Сережка, – не убрали вовремя, теперь брюки стирать.

– Да уж, – вздохнула я и пошла за тряпкой, но не успела добраться до ванной, как входная дверь распахнулась, и Кирюшка с радостным воплем влетел в дом.

– погоди, остановись! – в голос взревели мы, но он уже плюхнулся на стул и принялся расшнуровывать ботинки.

– Кретин, – припечатал старший брат.

– Чего вы? – изумился Кирюшка.

– Ничего, – вздохнула Юля, – снимайте брюки, братья разлюбезные.

– Что происходит? – раздалось из-за двери, и влетела Катя.

– Не двигайся! – завопил Сережка.

А Кирюшка не растерялся и выдернул стул из-под собирающейся усесться матери. Катюша, не ожидавшая подвоха, рухнула на пол.

– Дурак, – обозлился Сережка, поднимая Катерину.

– Ну и шуточки у тебя, Кирюшка, – укорила Катя, – я чуть не расшиблась.

– Зато пальто чистое, – ответил мальчишка.

– А вот и нет, – сообщила Юля, – на полу желток размазан.

Они продолжали ругаться, а я тихонько отползла на кухню

и с ужасом увидела, что вкусные и страшно дорогие пельмени «От Палыча» развалились в малоаппетитную кашу. Нет, больше ни за что не куплю яиц.

Глава 8

Городишко Казакино находился в Московской области. От станции Кратово примерно сорок минут в одышливом, воняющем бензином автобусе. Когда престарелый «Лиаз» затормозил в центре рыночной площади, я искренне удивилась. Ну кому пришла в голову идея назвать местечко из одной улицы городком.

Довольно широкая магистраль плавно стекала от рынка вниз. На угловом доме красовалась табличка «Прспект Маркса». Очевидно, демократические преобразования не добрались до Казакино, или городские власти решили не тратить на новые указатели. По обе стороны дороги тянулись деревянные избы, покосившиеся, черные. Кое-где виднелись колодцы, скорей всего, в домах не было водопровода. Тишина стояла такая, будто жители вымерли, лишь где-то вдали истошно кукарекал петух, решивший, что на дворе раннее утро. Снег бодро хрустел под ногами, ясное солнце било в глаза, и я прищурилась. Такого чистого, искрящегося снега в Москве не увидишь, и пахло в Казакино антоновскими яблоками.

За спиной послышался треск и странное почмокивание. Я обернулась. Большая мохноногая лошадь тащила розвальни, доверху набитые упаковками с кока-колой, пакетами засахаренного арахиса и коробками «Принглс». Я невольно хихик-

нула. Да, далеко зашел прогресс, вместо дров на саночках – любимая жратва американцев, отвратительная и вовсе не полезная.

Правил лошадью молодой парень в короткой светлой дубленке и темно-синих джинсах. Ноги в блестящих кожаных ботинках болтались на весу, руками в дорогих замшевых перчатках он сжимал грязные вожжи.

Увидав меня, «конюх» улыбнулся и крикнул:

– Давай, шевелись, залетная!

Я рассмеялась, юноша улыбнулся еще шире и пояснил:

– Моей «Ауди» тут нет шансов проехать, животом снег черпает, а Нюрка везде протащит...

– Где здесь монастырь? – спросила я.

«Извозчик» дернул поводья.

– Внизу, за оврагом, прямо идите, не сворачивая, как раз к воротам выйдете, только он мужской.

– Знаю, – отмахнулась я и пошла в указанном направлении.

Широкая дорога постепенно сузилась до размеров тропинки, по бокам возник лес. Тишина стояла замечательная, лишь под ногами громко и бодро скрипел снег.

Внезапно тропка резко завернула влево, открылось небольшое сельское кладбище, а за ним старая церковь из красного кирпича. В здании явно шел ремонт, стены были окружены лесами, стекол не было, но купола горели праздничным золотым блеском. Впрочем, ни одного человека на

стройке я не заметила, лишь пустое ведро валялось у входа.

– Есть кто живой? – крикнула я.

По лесу прокатилось эхо и исчезло.

Дорожка бежала за здание. Там, на заднем дворе, я увидела трехэтажную кирпичную постройку, вход в нее закрывала отличная железная дверь, на косяке виднелся звонок, я нажала на пупочку, где-то вдалеке разнеслась бодрая трель. В двери приоткрылось небольшое окошко, карий глаз уставился на меня, а невидимый рот вежливо спросил:

– Что угодно?

– Рагозин Николай Федорович тут проживает?

– Извольте подождать, – все так же безукоризненно вежливо ответил голос, и окошечко захлопнулось.

Я прислонилась к стене и поежилась, мороз постепенно пробирался под куртку, хоть под ней и было два теплых свитера, а все равно холодно, да и сапоги не предназначены для прогулок по лесу, пальцы ног превратились в обледенелые деревяшки. Минуты текли томительно, наконец загремели засовы, и дверь распахнулась.

На пороге стоял высокий молодой мужчина, одетый в нечто, больше всего похожее на черный сатиновый халат, подпоясанный витым шнурком. На голове парня красовалась черная же шапочка, а густая борода полностью закрывала щеки, и только глаза, ярко блестящие на лице, выдавали истинный возраст – лет двадцать пять, тридцать, не больше.

– Чем могу служить, дочь моя? – ласково спросил он.

Удивленная таким обращением, я спросила:

– Рагозин Николай Федорович?

– Нет, я отец Филарет, – пояснил парень.

– А где Рагозин?

Отец Филарет вздохнул:

– У нас нет такого.

– Как же так, – расстроилась я, – вот беда, я столько ехала, устала, замерзла, как собака, и зря...

Юноша покачал головой.

– Вы неправильно меня поняли. Господин Рагозин теперь носит имя отца Иоанна.

– Слава богу, он тут!

– Не поминай имя Господа всуе, – машинально заявил Филарет и добавил: – Да, тут.

– Позовите его, пожалуйста.

– Пройдемте в приемную, – велел собеседник, указывая рукой на низенькую деревянную дверь.

Я послушно пошла в указанном направлении и оказалась в небольшой, чисто вымытой комнате с дощатыми, не слишком ровными полами. В «красном» углу висели иконы, стены украшали картины божественного содержания, небольшой диссонанс в обстановку вносила лишь табличка в углу «Ответственный за пожарную безопасность о. Феоклист».

Вошедший следом за мной мужчина сел на стул и произнес:

– Слушаю вас.

– Мне нужен Рагозин, то есть отец Иоанн.

– Дочь моя, – с выражением истинно христианского терпения на физиономии завел отец Филарет, – вы приехали в мужской монастырь, здесь на разговоры с женщинами благословили лишь меня.

– Я вам не дочь, – отрезал мой язык, – и скорее больше гожусь в матери, ладно, в старшие сестры.

– У служителей Господа нет возраста, – спокойно пояснил парень. – Вам лучше объяснить мне цель визита.

Минут через десять, выслушав рассказ, он без всяких эмоций сообщил:

– Посидите в приемной.

Не успела я открыть рот, как собеседник быстрым шагом вышел, слегка задев меня «халатом». Снова потянулось время. В комнате стояла жара, я расстегнула куртку, сняла шапку и размотала шарф. Но, не успев согреться, поняла, что меня поджидает новое испытание. Страшно захотелось есть и, что хуже, пописать. Как назло, откуда-то изнутри монастыря начали наползать запахи готовящейся еды: только что сваренной гречневой каши и чего-то печеного, хлеба или пирогов. Монахи явно собирались трапезничать. В голове моментально всплыли главы романа Мельникова-Печерского «В лесах». Писатель самозабвенно описывал быт церковнослужителей и посвятил много страниц рассказам о постной еде – грибах, соленьях и моченьях, фруктах, киселях, варенье, орехах...

Желудок начал сжиматься. Минут через десять я совсем измучилась, не понимая, чего хочется больше – в столовую или туалет. Когда оба желания достигли пика, дверь распахнулась и в комнату вошли двое. Один – уже знакомый отец Филарет, другой – невысокий худощавый мужчина с редкой рыженькой бородкой.

– Вы Николай Федорович Рагозин! – обрадованно вскочила я на ноги.

– Отец Иоанн, – спокойно поправил вошедший и продолжил: – Отец Филарет сообщили, будто у вас какая-то неотложная надобность, требующая моего присутствия.

Завороженная старомодными оборотами его безупречно правильной речи, я начала излагать суть дела. Николай слушал не перебивая. Его слегка выпуклые, грязно-зеленые глаза смотрели без всякого выражения, на лице не отразилось никаких эмоций. Только при сообщении о смерти Насти он быстро перекрестился. С ним было очень трудно разговаривать. Да и разговором монолог назвать нельзя. Трижды повторив одно и то же и не дождавшись никакой реакции, я не выдержала и спросила:

– Николай, то есть отец Иоанн, вы меня слышите?

– Спасибо, что взяли на себя тяжесть и приехали сюда, дабы сообщить об успокоении рабы божьей Анастасии, – выдохнул Рагозин.

Я так и подскочила на месте:

– Значит, вы мне поможете?

Парень, не дрогнув ни одним мускулом, заявил:

– Помолюсь о душе новопреставленной.

– Тут не молитвы нужны, – фыркнула я, – а конкретные действия. Давайте договоримся, что я завтра подвезу вам доллары и письмо, а вы ищите Егора.

Рагозин медленно оторвал от пола тяжелый, словно свинцовый, взгляд и ответил:

– Сие невозможно.

– Как это? – оторопела я.

– Мирские заботы более не существуют для меня, теперь моя жизнь посвящена Господу.

– Ну ничего себе! А деньги? Тридцать тысяч!

Рагозин спокойно парировал:

– Здесь золото не требуется.

– Так не ваше же, а мальчика Егора, Настя надеялась на вас!

Что-то похожее на раздражение мелькнуло в глазах собеседника.

– Прошлое мертво. Засим разрешите откланяться.

И он упругим шагом двинулся к двери.

– Погодите, – рванулась я за мужиком.

Николай притормозил и оглянулся, я резко остановилась, словно налетела на стену. В глазах служителя церкви не отражалось никаких эмоций – ни горя, ни радости, ни злобы, ни сожаления, лишь мертвая пустыня спокойствия. Мирские заботы и впрямь не существовали для отца Иоанна, его ин-

тересы ограничивались монастырскими стенами, и говорить с таким, тем более просить о чем-то явно не стоило.

– Простите, – пробормотала я.

Отец Иоанн медленно склонил голову и выскользнул в коридор. В комнату ворвался одуряюще аппетитный аромат гречневой каши.

Невольно сглотнув слюну, я посмотрела на отца Филарета и с тоской поинтересовалась:

– Что же делать?

Парень покачал головой:

– Сие неведомо.

– Хороший же вы священник, если совет дать не можете, – вскипела я.

Филарет слегка улыбнулся.

– Боюсь, мои советы окажутся вам не по душе.

– А именно?

– Господь никогда не дает человеку большего креста, чем тот сумеет снести...

– Не поняла...

– Очевидно, деньги и поиск молодого человека – испытание, которое послано не отцу Иоанну, а вам.

– То есть я должна сама искать Егора?

Филарет кивнул.

– Покойная умирала, зная, что ее последнюю волю выполнят всенепременно. Большой грех не оправдать такой надежды.

– Ну, знаете ли, мне больше делать нечего! Семья, дети, готовка, стирка...

– Так то телесное, а надобно и о душе подумать, вдруг этот Егор нуждается и ждет помощи!

– Черт знает что!

Филарет перекрестился и добавил:

– Каждый сам выбирает свой путь, а сейчас, извините, мое время ограничено, да и вам, очевидно, пора, дорога не ближняя.

Скажите, какой заботливый.

– Здесь есть туалет?

– В обители только мужчины, – спокойно пояснил парень, – внутрь войти нельзя.

– Но как же...

– На станции, – посоветовал Филарет, – поищите на вокзале.

Устроившись под ближайшей елкой в пустынном лесу, я чуть не скончалась от холода и унижения, путаясь в куртке, свитерах и брюках. Солнце успело скрыться за церковью, на дорогу легли первые синие тени.

«Хороши монахи, – думала я, запаковываясь в одежду. – Вытолкали путницу на дорогу, даже стакана воды не предложили, а как же христианское милосердие?» Судя по мировой литературе, раньше в монастырях всегда кормили и даже предлагали ночлег.

Устало волоча ноги, я добралась до площади, просидела

около полутора часов на автобусной остановке, и в поезд вошла окончательно заледеневшая. Если воткнуть в голову деревянную палочку, запросто сойду за эскимо.

В вагоне отчаянно дуло, устроившись подальше от окна, я принялась клацать зубами, но тут, на счастье, мимо пошла бабка, торгующая спиртным в розлив. Купив рюмку водки и бутерброд с противной вареной колбасой, я, зажмурившись, храбро выпила.

Слезы рекой хлынули из глаз. Дешевая «огненная вода», сильно отдающая сивухой, раскаленной лавой прокатилась по пищеводу и камнем рухнула в желудок. Вкуса закуски я не ощутила. Голова слегка закружилась, ноги оттаяли, веки потяжелели. Откинувшись на сиденье, я вяло следила за проносившимися мимо сугробами, домиками и линиями электропередач. Надо же, абсолютно зря потратила день, экая бессмыслица.

Глава 9

Ночью мне не спалось, а когда наконец удалось задремать, перед глазами стали возникать чудовищные картины. Вот незнакомый юноша, почти подросток, худой, оборванный и грязный, сидит в переходе, положив перед собой шапку. Рядом табличка «Помогите Егору на хлеб». Следом появилось лицо Насти, странно белого цвета, синеватые губы забормотали:

– Лампа, найди Егора, отдай баксы, слышишь, отдай!

Лицо ширилось, увеличивалось в размерах, глаза вылезали из орбит, кожа на щеках и подбородке треснула, обнажился желтый череп.

– Лампа, – сурово сказал он, уставившись пустыми глазами, – верни деньги, а то прокляну.

Не в силах сказать ни слова, я замычала. Череп приблизился вплотную к моему лицу и заверещал:

– Лампадель, Лампадель...

От ужаса мои глаза распахнулись, и в неверном, дрожащем свете ночника я увидела прямо перед собой издевательски оскаленную физиономию.

– А-а-а, – в полном ужасе, понимая, что кошмар продолжается, завопила я, – помогите, спасите, отдам деньги, все до копеечки, не сомневайся.

Жуткая морда отодвинулась, и я увидела озабоченное ли-

цо Сережки.

– Лампадель, чего орешь дурниной?

– Боже, – вырвался из груди вздох, – дрянь какая-то при-
снилась.

– Оно и видно, – хмыкнул Сережка, – я сначала решил,
что ты телик не выключила.

Потом он перевел глаза на столик и, ткнув в него пальцем,
добавил:

– Так, так, слопала две шоколадки, штук десять мандарин
да бутерброд с колбаской. К тому же читала книжечку «Кро-
вавые руки». Знаешь, от такого «коктейля», принятого на
ночь, даже Терминатор взбесится.

Недовольно ворча, он пошел к себе. Постанывая и потря-
хивая отчаянно болевшей головой, я села на диване. Хорошо
еще, дружок, что тебе неизвестна вся правда!

Заснуть в ту ночь так и не удалось. Прокрутившись с бо-
ку на бок, я приняла разумное решение. Не хочет Рагозин
искать Егора, не надо, сама займусь. Кстати, Настя указала
его предполагаемый адрес – Новокисловский проезд, дом 29.
Может, он до сих пор живет там!

Утро принесло снегопад и потепление. Юлечка пожалова-
лась:

– Нога болит.

– На смену погоды реагирует, – пояснила Катя, – ничего,
анальгинчик прими. Кстати, сегодня я дежурю, не ждите.

– Я тоже приду поздно, – встрял Кирюшка.

– Почему? – поинтересовался старший брат.

– Спектакль готовим к Восьмому марта, – пояснил младший, – буду медведем.

– Лучше бы Серым Волком, – фыркнул Сережка.

Но Кирюшка не обратил внимания на подкол и убежал.

Я проводила домашних, убрала со стола, прогуляла собак и отправилась на поиски Егора.

Дверь нужной квартиры не открывали. Постояв в растерянности на лестничной площадке, я позвонила соседям. Тут же показалась девичья голова в резиновой шапочке. Из проделанных отверстий высовывались пряди волос, намазанные чем-то серым. Девушка явно старалась осуществить в домашних условиях дорогостоящее мелирование.

– Вам кого? – спросила голова.

– Егора.

– Здесь такой не живет.

– Это ваш сосед.

– Мой?

Ну не мой же!

– Ваш, ваш.

– Никогда, – отрезала девчонка и чихнула.

Я ткнула пальцем в красную дверь.

– Егор тут живет?

– Нет.

– А кто?

– Что – кто?

– Ну кто там находится?

– Сейчас никого, – пояснила девица.

– Квартира пустая?

– Нет, с чего вы взяли?

– Вы сами сказали.

– Я?! – воскликнула возмущенная соседка. – Я?!

– Ну, вы же говорили, что квартира пустая.

– Правильно, Регина на работе.

Я почувствовала, как под курткой и пуловером начинает потеть спина. Да, чтобы с такой особой разговаривать, предварительно следует съесть горшок каши, желательно с медом для пущей калорийности.

– Так здесь Регина живет?

– Ну!

– Где она работает?

– В агентстве «Силуэт».

– Как туда проехать?

– Нашла справочное бюро! – гавкнула девчонка и с треском захлопнула дверь.

Я постояла у окна, выкурила сигаретку и побрела на улицу. Так, теперь найдем ближайший телефон и наберем 09.

– 83-е слушает, – монотонно отозвался бесполоый голос.

– Дайте телефон агентства «Силуэт».

– Звоните в платную службу, – моментально отреагировала оператор.

Пальцы послушно набрали другой номер. На этот раз на

вопрос ответили по-иному.

– Сообщите ваш телефон...

– Я звоню из автомата!

В ухо незамедлительно понеслись частые гудки. Надо же, разъединилось. Повертев допотопный железный диск, я вновь дозвонилась до справочной.

Оператор оказалась любезной:

– Мы не можем дать справку.

– Почему?

– А по какому адресу послать счет за услугу?

– Ну... сообщу свой домашний, пишите.

– Смешно прямо, – фыркнула девица и отсоединилась.

На кухне, полная злобы на корыстную справочную службу, я наконец узнала адрес агентства «Силуэт», но не успела записать координаты, как в дверь позвонили.

– Кто бы это мог прийти? – удивилась Юлечка, ковыляя ко входу.

Через секунду она радостно вскрикнула:

– Володя!

Я выглянула в коридор. Майор Костин вешал на крючок старенькую дубленую курточку, ему давно следовало купить новую. Впрочем, его башмаки тоже выглядели не лучшим образом.

Мы познакомились в тот день, когда я нашла похищенную Катю. Майор как-то быстро стал в семье своим человеком, домашние обожают его, причем каждый пользуется Володи-

ным вниманием. Сережке он сделал совершенно особенные права, при взгляде на которые служащие ГИБДД моментально берут под козырек и кланяются вслед отъезжающей машине. Кирюшке предоставлена возможность рассматривать и чистить табельное оружие, Юлечка узнает от Володи о всевозможных интересных делах и слывет в своей газете крайне информированным репортером криминальной хроники...

Костин снял ботинки и радостно улыбнулся.

– Вот, заглянул, дело есть небольшое. Держите.

И он протянул Юле большую коробку обожаемого ею зефира в шоколаде, а мне – несколько толстых детективчиков.

– Спасибо! – воскликнули мы.

Не подарок дорог, дорого внимание. Сидевшие в коридоре мопсы тихо гавкнули, а Рейчел засопела.

– Ну и вам презент, – рассмеялся Володя и вытащил из «дипломата» три косточки из бычьих жил, две маленькие, а одну устрашающе огромную. Обрадованные собаки тут же принялись грызть игрушки.

– А где Клаус с Семирамидой? – спросил майор, доставая двух искусственных беленьких мышек. – Ах вот они, держите, ребята.

– Всех одарил? – спросила я. – Двигай на кухню, тебе повезло, на обед баранина с чесноком.

– Лампа, – с чувством произнес Володя, – ты – чудо, гений кулинарии.

– Не подлизывайся, – строго ответила я и положила в та-

релку огромный кусок мяса. – Так что у тебя случилось?

– Квартиру дали! – пробормотал приятель, запуская зубы в ароматную мякоть.

– Ну да! – воскликнула Юлечка. – Наконец-то!

До сих пор Володя жил в ужасающих условиях, правда, в самом центре Москвы, рядом со Смоленской площадью. Здание, в котором находилась его квартира – старый трехэтажный дом. Майору принадлежали две комнаты в коммуналке, крохотные, темные и неудобные. В здании постоянно что-то портилось – то отключали свет, то воду. Мусоропровода, естественно, не было, и случались перебои с отоплением. К тому же страшно не везло с соседями. Половина комнат в квартире сдавалась, а в оставшихся доживали век никому не нужные старики... Надежд на улучшения условий у Костина не было никаких. Слишком большой метраж принадлежал ему, а денег на покупку новой квартиры у него не было. Володя принадлежит к таким работникам МВД, которые берегут честь мундира и никогда не возьмут взятку.

– Как же тебе удалось получить квартиру? – ахнула я.

– Повезло безмерно, – с набитым ртом пробормотал майор, – не было бы счастья, да несчастье помогло. Федор Михайлович умер.

Старик Мешков жил у самой кухни, в огромном, почти сорокаметровом зале. Тихо существовал на копеечную пенсию и, по-видимому, не имел родственников.

– Так вот, – продолжал Володя, быстро орудуя вилкой, –

не успело тело остыть, как явился наследничек, родной сын. И оказался он не кто иной, как владелец «Онобанка».

– Что же он отцу не помогал? – спросила Юля.

– Не знаю, – пожал плечами Костин, – но теперь сей фрукт хочет использовать наш домишко под офис и расселяет жильцов. Мне предложили двухкомнатную квартиру в Куракино.

– Где это? – изумилась я. – Первый раз слышу.

– На полпути к Петербургу, – хмыкнул майор и облизнул тарелку, – еще десять минут езды – и Бологое.

– Нет, правда, где это? – поинтересовалась Юля.

– Новый район, только-только застраиваться начинает, – пояснил Володя.

– А метро там есть? – спросила Юля.

– Обещают.

– Когда?

– В 2025-м году.

– Ты шутишь!

– Ни минуты, – ухмыльнулся Костин.

– Квартира хорошая? – влезла я.

– Просто отличная. Две комнаты – двадцать и семнадцать метров, кухня пятнадцать, шестой этаж, дом кирпичный, вот только вставать придется в шесть утра, потому что до работы почти два с половиной часа добираться.

– Плохо, – приуныла я.

– Зато сам себе хозяин, – вздохнул Володя.

– Знаешь, есть идея, – оживилась Юля, – наша соседка Ниноля...

– Что? – удивилась я.

– Она живет с сыном-школьником в одной комнате. Вчера жаловалась, как тяжело. Парень иногда приводит друзей, оно и понятно, но Нинке приходится на пятиметровой кухне отсиживаться. Сейчас побегу к ней, вдруг согласится поменяться, такая квартира отличная...

Воодушевленная Юля схватила костыли и погромыхла на лестницу.

– Ну, Лампудель, – сыто улыбнулся Костин, – как делишки, вновь в частного агента играешь или успокоилась?

Но не успела я достойно ответить на выпад, как из прихожей раздался звонок. Очевидно, Нины не оказалось дома. Но в открытой двери замаячило сразу несколько фигур – две большие и две поменьше.

– Катюша, – раздался высокий, нервный голос, – рада?

– Простите, – отступила я в глубь коридора, – Катя на работе.

– Надо же! – воскликнул высокий, полный темноволосый мужчина. – Ну ничего, дайте-ка я вещи втащу.

Я отошла подальше. Сначала в прихожей оказалось два чемодана, потом зеленая сумка с надписью «Адидас», следом несколько кульков... За хабаром двигались хозяйева: молодая шатенка с круглым лицом и две совершенно одинаковые девочки, похожие, словно крупинки гречневой каши.

– Кто вы? – удивилась я.

– Старые друзья Катюши, – улыбнулся мужик и протянул жесткую ладонь. – Будем знакомы – Иван, это моя супруга – Люся, ну а рядом дочурки – Аня и Таня.

– Здравсти, – хором сказали двойняшки и разом сдернули полосатые вязаные шапочки.

– Катюша нас приглашала, – зачастила Люся, – сколько раз говорила – приезжайте, когда сможете, вот собрались наконец детям Москву показать.

– А вы, простите, откуда? – поинтересовалась я.

– Из Кемерово, – засияли улыбкой гости, – небось слышали?

Я безнадежно кивнула и пробормотала:

– Конечно, очень рады вас видеть.

Мужчина подхватил чемоданы, жена пакеты.

Я из вежливости приподняла сумку и тут же уронила ее. Зеленые бока заходили, как живые, словно поклажа раздраженно дышала.

– Что это? – вздрогнула я.

– О господи, – вздохнула Люся, – совсем забыла.

Она быстро наклонилась и расстегнула «молнию». Из недр сумки выбралась толстая, одышливая болонка с грязно-желтой шерстью и уставилась на мир большими карими глазами.

– Что это? – на автопилоте повторила я.

– Собачка, – пояснил Иван, – наша любимица.

– Третья доченька, – добавила Люся, – не с кем оставить, пришлось в Москву везти, надеюсь, не помешает? Она тихая, интеллигентная, воспитанная...

– Конечно, нет, – заверила я, – у нас тоже собаки...

– Знаем, знаем, – кивнула Люся, – Катюша рассказывала.

Оставив гостей устраиваться, я пошла на кухню и позвонила Кате на работу.

– Ну и что случилось? – недовольно забубнила та. – Очень тороплюсь, больного уже подали.

Надо же, говорить об оперируемом, как о жареной курице...

– Мне тоже кое-чего подали!

– Что? – не поняла Катя.

– Четверых гостей из Кемерово. Папа Ваня, мама Люся, девочки Аня и Таня и болонка, кличку пока не выяснила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.